А. ДРУЖИНИНЪ.

ВОСПОМИНАНІЕ

О РУССКОМЪ ХУДОЖНИКѢ

ПАВЛѢ АНДРЕИЧѢ

ФЕДОТОВѢ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ).

МОСКВА.

1918.

DUKE
UNIVERSITY

WOMAN'S COLLEGE
LIBRARY

224n/65

Druzhinin

А. ДРУЖИНИНЪ.

ВОСПОМИНАНІЕ

О РУССКОМЪ ХУДОЖНИКѢ

ПАВЛѢ АНДРЕЕВИЧѢ

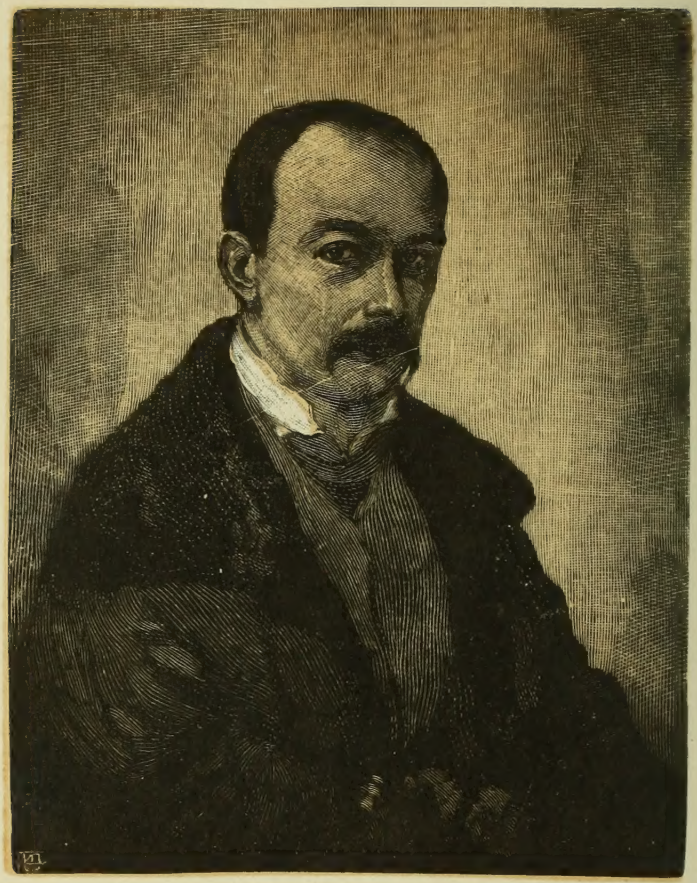
ФЕДОТОВѢ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ).

МОСКВА.

1918.

759.7
F294ZD



П. А. ФЕДОТОВЪ.

Автопортретъ.

Предлагаемое вниманію читателя „Воспоминаніе“, написанное однимъ изъ близкихъ преданныхъ друзей художника, впервые появилось передъ читающей публикой въ 1853 г. на страницахъ журнала „Современникъ“. Тогда же было издано отдѣльнымъ оттискомъ, а въ 1865 г. вошло въ 7-й томъ соч. А. Дружинина. Это „Воспоминаніе“ есть вѣчно неувядаемый, благоуханный вѣнокъ, возложенный искреннимъ другомъ на безвременную могилу, скорбно и трагично окончившаго дни свои, друга-художника. Наши дни, дни духовнаго оскудѣнія, оскорбленій и надругательствъ надъ культурнымъ достояніемъ прошлаго, незамѣтнымъ дѣйствіемъ обращаютъ душу въ сторону минувшаго, заставляя снова вспомнить, какъ о цѣломъ Русской культуры, такъ и о тѣхъ отдѣльныхъ личностяхъ, которыми горда Россія и которыя составляютъ безконечную славу ея.

Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/vospominanieorus01druz

Воспоминаніе о русскомъ художникѣ

Павлѣ Андреичѣ Федотовѣ.

„Чувствуя приближеніе смерти, генералъ нашъ поднялъ голову и сказалъ, по испански, обращаясь къ окружавшему его непріятелю:

„Здѣсь умираю я, Ричардъ Гренвилль, какъ добрый солдатъ, сдѣлавшій свое дѣло. И будутъ обо мнѣ вѣчно помнить, какъ о вѣрномъ и храбромъ воинѣ"...

Записки Ралейга.

„Жизнь самаго простого человѣка можетъ быть поэмою", говоритъ одинъ изъ современныхъ мыслителей, и афоризмъ его справедливъ до нѣкоторой степени. Но сколько ума, наблюдательности, добрыхъ началъ долженъ имѣть въ себѣ читатель, приступающій къ жизнеописанію обыкновеннаго человѣка, затѣмъ, чтобъ поучаться имъ какъ поэмою! Малое, крайне малое число біографій стоятъ названія поэмъ по своей общедоступности; немногіе изъ людей, жившихъ и живущихъ на свѣтѣ, сумѣли сдѣлать возвышенную пѣснь изъ своей жизни,—пѣснь, врѣзавшуюся въ память современникамъ и несущую за собой благородное поученіе для послѣдующихъ поколѣній. И тѣмъ дороже должны быть для насъ люди подобнаго рода. Искать такихъ людей, любить ихъ, передавать свѣту ихъ дѣла, труды, мысли, самыя заблужденія и странности есть наслажденіе. Теряя человѣка, создавшаго изъ своей жизни пѣснь героической поэмы, мы теряемъ не все: лучшая его часть остается съ нами. Мы стыдимся плакать; невин-

ныя, но пустыя фразы, произносимыя во время тяжкихъ потерь, здѣсь оказываются лишними. Рыдать и безплодно сѣтовать позволяется только передъ гробомъ существъ, дорогихъ нашему сердцу, и ничего болѣе. Люди, жившіе и трудившіеся недаромъ, требуютъ своей памяти иной дани, иного почитанія.

Художникъ Павелъ Андреичъ Федотовъ, скончавшійся, послѣ тяжкой болѣзни, въ ноябрѣ 1852 года, принадлежитъ къ числу людей, жившихъ и трудившихся не напрасно. Заслуги покойнаго, какъ художника, слишкомъ извѣстны всякому, кто сочувствуетъ русскому искусству; жизнь его есть пѣснь героической поэмы, богатая поученіемъ. Эта жизнь, вся отданная высокому и прекрасному, лучше всѣхъ твореній Федотова. Судьбѣ угодно было прекратить существованіе художника на самой первой ступени заслугъ и извѣстности; только ближайшіе изъ друзей Павла Андреича могутъ сказать о томъ, какъ слабы, ничтожны были его превосходные начатки передъ тѣми неистощимыми сокровищами, которыя зрѣли въ умѣ его. Только они сознавали съ ясностью, что будущіе труды нашего соотечественника, можетъ быть, превзойдутъ труды сэра Давида Вильки и самого Гогарта. Только имъ передавались проекты будущихъ произведеній, изумительныхъ по мысли, вдохновенно задуманныхъ. Только они по временамъ могли дивиться, глядя на бѣглые очерки, въ которыхъ достоинства, повидимому, самыя противоположныя и несовмѣстныя въ одномъ человѣкѣ, выказывались съ рѣзкостью, приводящею въ изумленіе. Многіе изъ жителей Москвы и Петербурга любовались большимъ альбомомъ Федотова; но немногіе знаютъ, что изъ всего этого альбома только двѣ или три вещи нравились самому художнику, между тѣмъ какъ другое, несравненно прекраснѣйшее собраніе будущихъ картинъ существовало въ головѣ его. Многіе ли изъ почитателей его таланта видѣли хотя часть его эскизовъ или небрежныхъ трудовъ, гдѣ грація шла рядомъ съ энергіею, сатира съ страстью, сила

концепціи съ истинно фламандскимъ вниманіемъ къ подробностямъ? Если кто нибудь изъ нихъ и дѣлалъ предположенія насчетъ того, какимъ блескомъ должна была въ скоромъ времени озариться художническая карьера Федотова, такія предположенія все-таки не могли подходить къ истинѣ. Какъ геніальный полководецъ, посреди глубокой тишины окружившій непріятеля, стянувшій всѣ свои силы, изучившій каждый шагъ боевой мѣстности, нашъ художникъ выжидалъ только часа для побѣды. Судьбѣ не угодно было дать ему этого часа, чтобъ сдѣлать его побѣдителемъ. И полководецъ остался извѣстенъ только по авангардным дѣламъ, и художникъ подарилъ насъ одними начинаніями. Еще бы годъ! еще бы хотя нѣсколько мѣсяцевъ!

Такъ прервана безвременно была дѣятельность Федотова какъ художника. Но жизнь его намъ осталась какъ нѣчто оконченное и цѣлое, къ которому нечего прибавлять, изъ котораго нельзя выбросить одной страницы. Постараемся же изобразить эту жизнь, такъ, какъ мы ее понимаемъ, безъ фразъ и излишнихъ подробностей, но съ горячей любовью къ памяти покойнаго. Всякая замѣтка или дополненіе къ настоящему труду будутъ нами приняты съ чувствомъ живѣйшей благодарности. Мы не гонимся ни за полнотой очерка, ни за хронологическимъ порядкомъ, ни за правильностью изложенія: намъ хочется только изобразить личность нашего талантливаго друга, такъ, какъ мы собственно ее понимали, такъ, какъ она представлялась намъ въ теченіе долгаго знакомства, ни разу не охлажденнаго малѣйшей размолвкой, малѣйшимъ неудовольствіемъ.

Павелъ Андреичъ Федотовъ родился въ Москвѣ, отъ весьма небогатыхъ родителей.

„Отецъ мой—разсказывалъ онъ—былъ воиномъ екатерининскихъ временъ, рѣдко говорившимъ о своихъ походахъ, но видавшимъ многое на своемъ вѣку. Разсказовъ его нельзя было слушать безъ особеннаго чув-

ства: такъ отдаленно казалось время, къ которому они относились, такъ изумительны оказывались лица и герои, имъ упоминаемые. Женатъ онъ былъ два раза: въ первый—на плѣнной турчанкѣ, во второй—на моей матери. Большое наше семейство помѣщалось въ небольшомъ домикѣ, и жили мы очень бѣдно; но пока отецъ могъ служить, нужды особенной мы не испытывали. Старикъ былъ очень строгъ по службѣ, и часто, когда онъ возвращался домой изъ должности, за нимъ шелъ сторожъ съ одной, а иногда съ двумя парами сапогъ въ рукахъ. Сапоги эти, перевязанные бичевкой, кажется, съ печатью около узла, принадлежали нерадивымъ или нетрезвымъ писцамъ; снятые за наказаніе, они оставались въ нашей квартирѣ до утра и потомъ уже возвращались провинившимся. Честностью обладалъ онъ безмѣрною; но она, какъ у многихъ честныхъ стариковъ, перенесшихъ многое въ жизни, облечена была въ формы суровыя, жесткія, угловатыя. Я помню, какъ одинъ разъ, замѣтивъ, что одинъ изъ его родственниковъ щеголяетъ какими-то дорогими вещами, отецъ сталъ упрекать его такъ угрюмо и рѣзко, что бѣдный обладатель небольшого сокровища заплакалъ. Я думаю, что упрекъ отца былъ неоснователенъ, осуждаю его подозрительность, а совсѣмъ тѣмъ не могу не удивляться этой неумолимой врожденной ему правдивости. Еслибъ я могъ разсказать вамъ, при какихъ обстоятельствахъ произошла упомянутая размолвка, вы бы еще вѣрнѣе раздѣлили мои чувства.

„Зима обыкновенно проходила довольно печально; но лѣто для насъ, дѣтей, было золотымъ временемъ года. Отдаленныя улицы Москвы и теперь еще сохраняютъ колоритъ довольно сельскій, а въ то время онѣ были почти тоже, что деревня. Любимымъ мѣстомъ нашихъ игръ былъ сѣнникъ, гдѣ можно было не только вдоволь рѣзвиться съ другими ребятишками, но откуда, сверху, открывался видъ на сосѣдніе дворы, а всѣ сцены, на нихъ происходившія, оказывались передъ глазами наблюдателя какъ на блюдечкѣ. Сколько я

могу дать себѣ отчетъ въ настоящее время, способностью находить наслажденіе въ *созерцательныхъ* занятіяхъ обязанъ я сѣннику, или, скорѣе, верхней его части. Жизнь небогатаго, даже, попросту, бѣднаго дитяти обильна разнообразіемъ, которое почти недоступно ребенку изъ достаточнаго семейства,—ребенку, развивающемуся въ тѣсномъ кругу изъ своихъ родителей, гувернантки да двухъ-трехъ друзей дома—особъ по бо́льшей части благовоспитанныхъ, стало быть, не имѣющихъ ничего особенно дѣйствующаго на дѣтскую фантазію. Возьмите теперь мое дѣтство: я всякій день видѣлъ десятки народа самаго разнохарактернаго, живописнаго и сверхъ всего этого сближеннаго со мною. Наша многочисленная родня, какъ вы можете догадываться, состояла изъ людей простыхъ, неуглаженныхъ свѣтскою жизнью; наша прислуга составляла часть семейства, болтала передо мной и являлась на распашку; сосѣди были все люди знакомые; съ ихъ дѣтьми я сходился не на дѣтскихъ вечерахъ, а на сѣнникѣ или въ огородѣ; мы дружились, ссорились и дрались иногда, какъ намъ только того хотѣлось. Представители разныхъ сословій встрѣчались на каждомъ шагу—и у тетушекъ, и у кумы отца, и у приходскаго священника, и около сѣнника, и на сосѣднихъ дворахъ. Все, что́ вы видите на моихъ картинкахъ (кромѣ офицеровъ, гвардейскихъ солдатъ и нарядныхъ дамъ), было видѣно и даже отчасти *обсуждено* во время моего дѣтства: это я заключаю какъ по воспоминаніямъ, такъ и потому, что, набрасывая бо́льшую часть моихъ вещей, я почему-то представлялъ мѣсто дѣйствія непремѣнно въ Москвѣ. Бытъ московскаго купечества мнѣ несравненно знакомѣе, чѣмъ бытъ купцовъ въ Петербургѣ; рисуя фигуры добрыхъ старыхъ служителей, дядей, ключницъ и кухарокъ, я, самъ не зная почему, переношусь мыслью въ Москву... Сила дѣтскихъ впечатлѣній, запасъ наблюденій, сдѣланныхъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляютъ, если будетъ позволено такъ выразиться, *основной фондъ* моего дарованія“.

Понятно, что у ребенка, способнаго развиться такимъ образомъ, умственныя качества не могли назваться обыкновенными. И точно: маленькій Федотовъ, безъ всякихъ предварительныхъ познаній поступивъ въ Московскій Кадетскій Корпусъ, въ скоромъ времени обратилъ на себя вниманіе и начальниковъ и товарищей, а при выпускѣ оказался первымъ ученикомъ *). Имя его, какъ отличнѣйшаго воспитанника, изображено, по обычаю, существующему въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, на мраморной доскѣ, въ одной изъ залъ Корпуса. Изрѣдка вспоминая о годахъ своей ученической жизни, Павелъ Андреичъ сообщилъ нѣсколько фактовъ, нелишенныхъ занимательности. Память его—сказывалъ онъ мнѣ—была такова, что всякая страница, прочитанная имъ въ то время, по нѣсколько дней будто носилась передъ его глазами. „Если на экзаменъ или при повтореніи уроковъ мнѣ случалось запамятовать ту или другую подробность, одну или двѣ учительскія фразы (въ то время еще учениковъ не убѣждали отвѣчать *своими словами*), мнѣ стоило только закрыть глаза на минуту, и все забытое, будто откуда-то выпрыгнувъ, являлось передо мной какъ написанное на бумагѣ. Эта способность длилась еще нѣсколько лѣтъ послѣ моего выпуска; впослѣдствіи память стала слабѣть: въ томъ я убѣдился очень хорошо, однажды разсказавъ моему пріятелю *** исторію, уже слышанную имъ, и слышанную отъ меня же. Если кто нибудь при васъ будетъ разсказывать во второй разъ какой нибудь анекдотъ или свое приключеніе, будьте увѣрены, что память разсказчика слабѣетъ, а самъ онъ близится къ старости“.

Сверхъ своей завидной способности легко запоминать все прочитанное и слышанное, Павелъ Андреичъ

---

*) Въ Корпусъ Федотовъ поступилъ въ 1826 году, имѣя отъ роду около десяти лѣтъ. Черезъ четыре года, за отличіе въ наукахъ и поведеніе, сдѣланъ былъ унтеръ-офицеромъ, а еще черезъ два года, въ 1832, фельдфебелемъ.

умѣлъ привязываться ко всякой наукѣ, украшая необходимую сухость ея посредствомъ процесса своей могучей фантазіи. Для него исторія была рядомъ драматическихъ сценъ „въ костюмахъ и съ приличною обстановкою“; географія переносила его подъ чужое небо, къ чудесамъ чуждой нашему краю растительности: „когда я, маленькій—говорилъ онъ—глядѣлъ на ландкарту, около меня будто бродили львы, крокодилы и удавы“; слушая военныя науки, онъ присутствовалъ при движеніи войскъ, тяжкихъ бояхъ, осаждалъ крѣпости и выдерживалъ приступы; математика вообще и особенно тригонометрія наполняли его умъ удивленіемъ къ чудесамъ, на которыя способенъ умъ человѣка. Рисовать онъ любилъ чрезвычайно и еще въ первые годы своего воспитанія дошелъ до возможности дѣлать весьма схожіе портреты своихъ учителей и товарищей; но музыку онъ любилъ больше живописи. Восемнадцати лѣтъ Федотовъ покинулъ школьныя занятія и, какъ первый воспитанникъ, выпущенъ былъ Лейбъ-Гвардіи въ Финляндскій полкъ, прапорщикомъ. Съ этой эпохи трудъ нашъ становится легче, ибо личныя воспоминанія выступаютъ впередъ: знакомство мое съ Павломъ Андреичемъ произошло на третій или на четвертый годъ его пребыванія въ полку, гдѣ мои два брата были въ то время его товарищами *).

*) Здѣсь авторъ считаетъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ отъ своего лица. И писатели и публика, особенно у насъ въ Россіи, имѣютъ весьма понятное и весьма легко объяснимое предубѣжденіе къ тѣмъ статьямъ, въ которыхъ сочинители безо всякой нужды вводятъ свою собственную личность, во вредъ скромности и часто въ ущербъ произведенію. Но предупрежденіе это, полезное во многихъ отношеніяхъ, становится ложнымъ и вреднымъ, чуть оно переходитъ въ крайность. Неоспоримый опытъ показалъ, что біографіи и замѣтки о замѣчательныхъ современникахъ теряютъ половину своей живости отъ излишней щекотливости сочинителей. Безъ нужды скрывая свою личность, щепетильный біографъ часто грѣшитъ наравнѣ съ хвастуномъ, выискивающимъ всѣ случаи, чтобъ печатно поговорить о самомъ себѣ, а самой статьѣ, изгнавъ изъ нея свои личныя чувства и воззрѣнія, придаетъ тонъ холод-

Мое первое свиданіе съ Федотовымъ произошло въ 1838 году. Павлу Андреичу было тогда 23 года, а мнѣ 12—13. Несмотря на значительную разницу въ лѣтахъ, я съ первыхъ же дней почувствовалъ симпатію къ нашему будущему художнику, тогда еще молоденькому и красивому офицеру, съ розовыми щеками, свѣтлыми глазами и маленькими темными усиками. Помню очень хорошо, что мои братья и другіе сослуживцы Павла Андреича въ этотъ день шутили по поводу какихъ-то его недавнихъ похожденій въ Галерной Гавани, около взморья. На вопросы котораго-то изъ присутствующихъ обо всей этой исторіи Федотовъ разсказалъ компаніи, какъ онъ, забравшись въ этотъ, едва-ли не самый отдаленный изъ всѣхъ уголковъ Петербурга, провелъ тамъ цѣлый день въ семействѣ одного изъ своихъ корпусныхъ товарищей. Описаніе улицъ, поросшихъ травою, маленькихъ домиковъ на сваяхъ, калитокъ съ завалинками, на которыхъ домохозяева имѣютъ обыкновеніе сидѣть въ халатѣ и бесѣдовать, врѣзалось мнѣ въ память съ рѣдкой ясностью. Потомъ Федотовъ, съ какимъ-то, ему одному доступнымъ искусствомъ укладывать пространныя подробности въ весьма краткую рѣчь, перешелъ къ изображенію семейства своего пріятеля, вечернихъ занятій, дѣвицъ Галерной Гавани, игры старыми картами, бѣднаго, но веселаго и дружескаго ужина. Когда ему нужно было итти домой, неожиданное препятствіе вынудило его измѣнить это намѣреніе: вѣтеръ, дувшій съ моря цѣлый вечеръ, началъ крѣпчать во время ужина,

---

ный и докторальный. По мнѣнію автора, простота и откровенность могутъ назваться лучшими средствами выпутываться изъ всѣхъ щекотливыхъ положеній, литературныхъ и житейскихъ. Одинъ изъ темныхъ и неизвѣстныхъ публикѣ друзей Байрона говорилъ, начиная свои воспоминанія о знакомствѣ съ великимъ поэтомъ: «Я не знаю за собой ничего особенно дурного и позорнаго: для чего же мнѣ прятаться съ моей личностью, терять двѣ или три черты, способныя уяснить личность, манеру, странности человѣка, дружбой котораго я никогда не перестану гордиться? Для портрета необходимъ фонъ: мнѣ не желательно, чтобъ фигура, нарисованная мною, плавала въ туманѣ!»

а улицы были покрыты водою. Къ удивленію Федотова, сказанное обстоятельство нисколько не испугало ни гостей, ни хозяевъ: и тѣ и другіе размѣстились какъ могли по разнымъ комнатамъ, дамы съ дамами, мужчины съ мужчинами; однако, никто не ложился спать. Къ общему смѣху, шуткамъ присоединялось немного безпокойства, ибо вѣтеръ все дулъ и вода прибывала съ каждой минутой. Подождавъ еще съ полчаса, молодой хозяинъ вдругъ всталъ со стула и, взглянувъ въ окно, удивилъ Федотова такими словами: „господа! кто хочетъ ѣхать на лодкѣ?“ Предложеніе было принято съ радостными криками, и вся мужская компанія, одѣвшись потеплѣе, двинулась къ выходу. Тамъ ждала уже ихъ лодка, колыхавшаяся и вертѣвшаяся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще вечеромъ можно было гулять не замочивъ ногъ. Вооружась шестами и баграми, мореплаватели поѣхали мимо домовъ, встрѣчаясь съ другими, ладьями, тоже отправившимися на ловлю.

— Чтожъ это была за ловля?—спросилъ кто-то Федотова.

Павелъ Андреичъ тотчасъ же объяснилъ все дѣло. Нужно знать, что, при всякомъ, нѣсколько значительномъ наводненіи, дрова, ненужный лѣсъ, доски и хворостъ, зачѣмъ нибудь валяющіеся около взморья, поднимаются водой и несутся ею прямо по направленію къ Галерной Гавани. Иногда къ этому лѣсу прибавляются обломки какого нибудь развалившагося судна или полѣнья съ какой нибудь разбившейся дровяной барки. А такъ какъ на добычу подобнаго рода не могъ протендовать ни одинъ изъ жителей Петербурга, то и весьма понятно, что обитатели галернаго порта охотно пользовались невиннымъ случаемъ запастись дровами, досками, даже бревнами, безъ всякаго ущерба кому бы то ни было.

Ловля, описанная Павломъ Андреичемъ, принадлежала къ числу самыхъ продолжительныхъ и интересныхъ. Почти всю ночь компанія провозилась на водѣ, при свѣтѣ мѣсяца, продрогла, но возвратилась

съ честью и богатой добычей. Самый разсказъ о ловлѣ мнѣ памятенъ такъ, какъ будто бы я его вчера слышалъ.

Рѣдкую недѣлю въ то время я не видалъ Павла Андреича; нѣсколько разъ ему пришлось и ночевать въ нашемъ домѣ, когда Нева расходилась и переѣздъ на Васильевскій Островъ, къ мѣсту его жительства, бывалъ затруднителенъ. Великая терпимость Федотова, а еще болѣе его *жадность къ людямъ*, его вѣчная охота имѣть передъ собою новые предметы для наблюденій дѣлала наши сношенія весьма пріятными. Всякому извѣстно, какъ утомительно для взрослыхъ людей, общество ребятишекъ; если же эти ребятишки находятся въ странномъ и переходномъ возрастѣ 13-ти, 14-ти или 15-ти лѣтнемъ, ихъ компанія дѣлается чѣмъ-то совершенно нестерпимымъ. Но Павелъ Андреичъ сумѣлъ сдѣлаться пріятелемъ моимъ и моихъ сверстниковъ: мы вѣчно ждали его посѣщеній какъ подарка, потому что онъ рисовалъ намъ картинки, разсказывалъ разныя исторіи и нисколько не тяготился нашей бесѣдой. Будто сочувствуя всѣмъ возрастамъ человѣка, онъ былъ совершенно одинаковъ и съ дѣтьми и со стариками и, всегда оставаясь простымъ и откровеннымъ, умѣлъ нравиться и тѣмъ и другимъ. Одинъ разъ я помню, какъ онъ разсказывалъ мнѣ и моему 14-ти лѣтнему другу С. о наслажденіи, которое онъ испытывалъ, посвящая иной свободный день гулянью по отдаленнымъ частямъ города, безъ всякой цѣли, заговаривая съ простымъ народомъ, обѣдая въ подземныхъ тавернахъ, по часу застаиваясь подъ освѣщенными окнами незнакомыхъ домовъ и наблюдая какую нибудь иногда забавную, иногда граціозную семейную сцену; говоря обо всемъ этомъ, Федотовъ ни слова не упоминалъ о прелестяхъ наблюдательности, о пользѣ изученія нравовъ, не вдавался ни въ какія, намъ недоступныя обобщенія: онъ просто рисовалъ передъ нами рядъ живыхъ сценъ, и мы понимали его и сами сознавали пріятность свободнаго дня, посвященнаго такимъ занятіямъ.

Въ это время Павелъ Андреичъ уже ходилъ по вечерамъ въ Академію *), рисовалъ носы, ножки, уши и руки, имѣлъ нѣкоторыя знакомства между художниками, часто бывалъ въ Эрмитажѣ и возвращался оттуда, въ восторженномъ настроеніи. Теньеръ и фанъ-Остадъ были его любимцами. Нельзя было безъ хохота слушать его разсказовъ о содержаніи той или другой картины этихъ мастеровъ: зоркій глазъ его мастерски подмѣчалъ все особенно комическое, все болѣе доступное поверхностнымъ цѣнителямъ живописи. Раза два мы были въ Эрмитажѣ съ нимъ вмѣстѣ, и всякій разъ онъ, такъ сказать, двумя—тремя словами приковывалъ все мое вниманіе къ которой нибудь изъ своихъ любимыхъ вещей.

— Глядите-ка, глядите сюда, говорилъ онъ, подходя къ большому изображенію одной изъ фламандскихъ пирушекъ, Теньера:—вонъ смотрите, какъ хозяйка выгоняетъ метлой буяна. Ему хочется назадъ... полюбуйтесь, полюбуйтесь: онъ такъ и удираетъ! А здѣсь (картина изображала народную пляску), смотрите, какъ вонъ тотъ плясунъ поднялъ свою толстуху и подбросилъ ее на воздухъ! Какъ всѣ веселятся, и какія рожи довольныя! Самому такъ весело становится! Вспомните объ этихъ

*) «Во время занятій Федотова въ Академіи, онъ искалъ совѣтовъ у старшихъ и младшихъ, менѣе его опытныхъ товарищей по ученію, выслушивалъ сужденія и мысли каждаго, извлекая изъ нихъ пользу для своихъ будущихъ работъ, которыхъ характеромъ были юморъ, разительно выраженный, ясное выполненіе сюжетовъ, вѣрное выраженіе чувствъ и страстей, долженствовавшихъ одушевлять лица, имъ изображаемыя, и наконецъ окончательность въ отдѣлкѣ какъ фигуръ, такъ и посторонностей. Кисть его была пріятна, эффектъ правдивый и неусиленный, но естественный. Впослѣдствіи Федотовъ сталъ въ рядъ весьма замѣчательныхъ отечественныхъ талантовъ, особенно въ своемъ родѣ, въ которомъ не имѣлъ предшественниковъ. Взглядъ глубокій на природу и человѣка, желаніе выставить его слабую и достойную осмѣянія сторону, средствами искусства, отмѣчали его произведенія. Онъ былъ бы нашъ Гогартъ, художникъ—исполнитель, обѣщавшій пойти далѣе этого знаменитаго англійскаго живописца». (Изъ свѣдѣній, доставленныхъ изъ Императорской Академіи Художествъ.

картинахъ завтра утромъ: вамъ покажется, что вы будто сами плясали съ этими красными толстяками! Повѣряйте всегда впечатлѣніе, на васъ сдѣланное картиной, проснувшись по утру. Нужно, чтобъ воспоминаніе о ней, такъ сказать, сливалось съ вашей настоящей жизнью.

Собственно о художественныхъ начинаніяхъ Федотова въ то время я не могу сказать многаго. Масляными красками рисовать онъ не пробовалъ, вещей большого объема и съ многочисленными фигурами почти никогда не дѣлалъ, постоянно оставаясь недовольнымъ ихъ компановкою. Но уже портреты его отличались разительнѣйшимъ сходствомъ, такъ что продавцы картинъ и эстамповъ выпрашивали у Федотова какъ можно болѣе экземпляровъ имъ рисованнаго портрета въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Михаила Павловича, считая его лучшимъ изъ всѣхъ портретовъ, у нихъ продававшихся *). Всѣ лица, знакомыя Павлу Андреичу, были перерисованы по нѣскольку разъ, во всѣхъ видахъ, и онъ набилъ свою руку до того, что могъ шутя, одною чертою изображать того или другого изъ своихъ пріятелей, товарищей и начальниковъ.

Нѣкоторыя изъ картинокъ, отдѣланныхъ съ особеннымъ тщаніемъ, поступали въ особый альбомъ, хранившійся у Павла Андреича. Въ этомъ же альбомѣ помѣщены были очерки, въ которыхъ довольно ясно обозначалось будущее направленіе покойнаго художника. Такъ, напримѣръ, я помню одну вещицу, чрез-

*) Этихъ портретовъ Федотовъ нарисовалъ до двадцати, водяными красками, на осьмушкахъ веленевой бумаги. Каждый портретъ тотчасъ же поступалъ въ магазинъ Доціаро и по большей части продавался въ тотъ же день. Нѣсколько экземпляровъ портрета мнѣ случилось еще недавно встрѣтить въ Петербургѣ. Такъ какъ и теперь не всякій изъ купившихъ знаетъ, кѣмъ портретъ сдѣланъ, то я замѣчу, что внизу нѣсколькихъ портретовъ изъ числа встрѣченныхъ мною стоятъ буквы П. и Ф. Великій Князь изображенъ въ профиль, на иныхъ—въ гвардейскомъ мундирѣ, на другихъ—въ мундирѣ военно-учебныхъ заведеній.

вычайно характеристическую въ этомъ отношеніи. Молодая, чисто одѣтая женщина, съ блѣднымъ, благороднымъ и испуганнымъ лицомъ, ведетъ подъ руку по улицѣ, мимо насмѣшливыхъ зѣвакъ, своего мужа, приведеннаго, вслѣдствіе сильной дружеской попойки, въ положеніе жалкое и унизительное. Если не ошибаюсь, самъ Гогартъ не отказался бы отъ такого сюжета: такъ онъ полонъ мысли, драматизма и цѣлительной сатиры, переходящей въ поученіе нравовъ.

Со дня поступленія моего въ полкъ, гдѣ служилъ Федотовъ, прежнее знакомство возобновилось и продолжалось, несмотря на всѣ перемѣны въ нашихъ занятіяхъ, до самой смерти Павла Андреича. Первое наше свиданіе по службѣ происходило въ концѣ августа 1843 года. Федотовъ тогда жилъ въ казармахъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, въ двухъ комнатахъ надъ адъютантской квартирой. Комнаты, эти убраны были довольно мило какой-то мебелью изъ бѣлаго дерева; гипсовыя головки, носы, ноги и руки висѣли на стѣнахъ; у дверей стояла черная доска, какія обыкновенно ставятся въ училищахъ для черченія мѣломъ. На диванѣ лежала гитара съ фаготомъ и еще какой-то раздвижной инструментъ въ родѣ флейты. На полу, на этажеркѣ и около стола разбросаны были книги: въ изобиліи валялись Винкельманъ, Пушкинъ и англійскія учебныя книжечки. По книжной части въ квартирѣ Федотова всегда можно было найти что нибудь необыкновенное: или томъ Кантемира, или какой нибудь журналъ екатерининскихъ временъ, или „Почту Духовъ“, или разрозненный томъ старыхъ мемуаровъ на французскомъ языкѣ, или какую нибудь рукописную поэму. Хозяйство Федотова находилось въ вѣдѣніи его служителя, Аркадія Коршунова, который жилъ при немъ до самой смерти своего барина, любилъ его съ рѣдкою нѣжностію и отошелъ послѣднимъ отъ могилы своего обожаемаго барина и *друга* *).

*) Федотовъ, говоря съ кѣмъ нибудь про Коршунова, называлъ его *„мой слуга и другъ“*.

Федотовъ принялъ меня очень ласково и спросилъ: перезнакомился ли я съ офицерами? а узнавъ, что уже всѣ визиты кончены, далъ мнѣ въ руки свой альбомъ, сказавъ: „теперь онъ будетъ для васъ понятнѣе“. На вопросъ мой о томъ, не обижаются ли нѣкоторыя изъ лицъ, выведенныхъ имъ въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ, онъ сказалъ, что изъ всѣхъ товарищей только одинъ принялъ шутку къ сердцу, да и тотъ старается не показывать. На черной доскѣ нѣсколькими штрихами набросаны были разныя сцены изъ тогдашней его жизни и кромѣ того тянулся цѣлый рядъ рисунковъ самаго страннаго содержанія: на одномъ изъ нихъ офицеръ, въ костюмѣ славянскаго витязя, поражалъ копьемъ голову одного англичанина; голова, падая, открывала подъ собой колоду картъ. Потомъ то же лицо, въ античномъ костюмѣ, то есть безъ всякихъ одеждъ лежало мертвымъ на диванѣ, и около него толпились другія знакомыя лица съ гитарами, лирами и балалайками. Федотовъ объяснилъ, что это сцены изъ „Руслана и Людмилы“, имъ передѣланной, послѣ чего, взявъ гитару, спѣлъ нѣсколько забавныхъ арій изъ этой оперы. Въ то время онъ много занимался музыкой, и голосъ его, сильный, звучный, нуждался только въ достаточной обработкѣ.

Мысль о томъ, чтобы, оставивъ службу, окончательно посвятить себя живописи, начинала уже въ то время занимать Федотова; но всѣ его стремленія не получили еще достаточной опредѣленности. Его тянуло въ разныя стороны; онъ еще не успѣлъ предаться всей душой тому роду искусства, который долженъ былъ составить его славу. Ему нравилась и баталическая живопись, и портретная, и историческая; сверхъ того онъ страстно любилъ музыку, читалъ все, что попадалось подъ руки, да и чины шли хорошо, такъ что кидать извѣстное для неизвѣстнаго могло показаться дурнымъ разсчетомъ. Потомъ, Павелъ Андреичъ былъ очень привязанъ къ своимъ товарищамъ, между тѣмъ какъ самая служба и образъ жизни доставляли обильную пищу его наблю-

дательности. И нужно сказать правду, пребываніе Федотова въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку во многомъ способствовало тому *настрою* (слово, которое часто употреблялъ покойный), который впослѣдствіи отразился въ его произведеніяхъ. Особы, незнакомыя съ военной жизнью, по всей вѣроятности, не знаютъ, какой обильный источникъ для наблюденія во всѣхъ родахъ представляетъ хорошо устроенный и хорошо составленный полкъ, особенно полкъ егерскій, то есть сформированный изъ народа молодого, бойкаго, шутливаго и расторопнаго. Сотни типовъ, самыхъ оригинальныхъ, неподмѣченныхъ и никѣмъ неописанныхъ, сами просятся на глаза наблюдателю, привязываютъ его къ себѣ, врѣзываются въ память и помнятся на вѣчныя времена. Федотовъ, еслибъ захотѣлъ, могъ быть первымъ нашимъ живописцемъ по части военныхъ сценъ; сверхъ своего таланта, онъ имѣлъ то преимущество надъ другими художниками, что самъ служилъ, самъ командовалъ ротой, вникалъ въ солдатскій образъ жизни и, по своему выраженію „любилъ солдатика“. При разборѣ вещей, оставшихся послѣ Павла Андреича, вѣроятно, отыщется маленькій эскизъ подъ названіемъ: *„Прибытіе стараго гренадера Дворцовой Роты въ свою бывшую роту Финляндскаго полка“*. Этотъ рисунокъ—совершенство въ своемъ родѣ, потому что онъ простъ и правдивъ; въ немъ вы видите десятокъ военныхъ типовъ безъ всякихъ украшеній. Бывшій фельдфебель роты, взятый въ дворцовые гренадеры является къ прежнимъ товарищамъ въ гости; старые солдатики его привѣтствуютъ и потчуютъ табакомъ; является маленькій флейтщикъ, котораго старикъ вѣрно баловалъ прежде; *ротная собака* *) прыгаетъ отъ радости и ласкается къ

*) Эта прекраснѣйшая черта только и можетъ быть изображена живописцемъ, знающимъ нравы солдата до тонкости. Нашъ солдатъ добръ до чрезвычайности. Нищіе являются къ его столу, и при ротѣ есть иногда нѣсколько собакъ, до призрѣнія ихъ ротою скитавшихся по улицамъ безъ хлѣба и надзора. Само собою разумѣется, что собака, нарисованная Федотовымъ, и мохната и безобразна.

узнанному ею посѣтителю. Въ глубинѣ ротной залы обычныя занятія идутъ своимъ чередомъ: рекруты маршируютъ подъ надзоромъ дядекъ; цырюльникъ, брѣющій егеря, засматривается на гостя; одинъ солдатикъ спитъ, другой угощаетъ родныхъ, третій любезничаетъ, четвертый подаетъ милостыню нищему, пятый чинитъ сапоги, шестой покупаетъ тесемку у разносчика. Въ этомъ крошечномъ эскизѣ чрезвычайно много жизни, веселости, чувства и добродушія.

Службою Павелъ Андреичъ занимался старательно хотя безъ особенной горячности. Зоркій глазъ—начало успѣховъ въ военномъ дѣлѣ—былъ ему лучшей помощью, давая возможность не только держать свою роту въ великомъ порядкѣ, но даже находить артистическую пріятность въ занятіяхъ довольно утомительныхъ для будущаго художника. Съ утреннихъ служебныхъ занятій Федотовъ почти всегда возвращался подмѣтивъ какую нибудь оригинальную подробность или характеристическую сцену. Маневры, съ дневками, живописными биваками, переправами въ бродъ, дружескими бесѣдами, послѣ утомительныхъ переходовъ, были для Павла Андреича золотымъ періодомъ, давая ему десятками планы серьезныхъ или шутливыхъ очерковъ. Еще молодымъ офицеромъ, когда ему приходилось стоять на дальнихъ караулахъ, онъ всегда возвращался съ запасомъ самыхъ разнообразныхъ наблюденій. Если ему приходилось бывать съ ротой на пожарѣ, онъ, посреди дыма и суматохи, подсматривалъ за одинъ разъ столько сценъ, сколько иному не подмѣтить во всю жизнь.

Между офицерами, Павелъ Андреичъ, съ самаго опредѣленія своего въ полкъ, считался истинно добрымъ и занимательнымъ изъ товарищей. Главными чертами кружка, въ которомъ онъ обращался, были веселость и насмѣшливость, смягченныя истиннымъ, юношескимъ добродушіемъ. Каррикатуры Федотова, за которыя ему, въ другомъ, болѣе себялюбивомъ кругу, пришлось бы, можетъ быть, перенести тьму непріятно-

стей, здѣсь не возбуждали ничьего негодованія: эта одна черта говоритъ краснорѣчивѣе всѣхъ другихъ замѣтокъ. Безпечность Павла Андреича въ этомъ отношеніи доходила до того, что одинъ разъ, при переселеніи его на новую квартиру, черная доска, о которой мнѣ уже случилось упоминать, стояла цѣлое утро на улицѣ, представляя проходящимъ около десятка портретовъ и сценъ забавнаго содержанія,—и ни одинъ изъ товарищей не нашелъ этого страннымъ. Само собой разумѣется, за шутки платилось шутками, и „артистъ Федотовъ“, съ его гитарой, фаготомъ, живописью, стихами, не всегда удачными, и нѣжнымъ сердцемъ, самъ служилъ обильнымъ поводомъ для дружескихъ насмѣшекъ.

Какъ бы то ни было, дальнѣйшія колебанія оказывались невозможными: время уходило. Павлу Андреичу, какъ я предполагаю, исполнилось двадцать-семь или двадцать-восемь лѣтъ. Все было сдѣлано имъ, до чего можно достигнуть, не занимаясь живописью исключительно—его рисунки водяными красками были одобрены многими знатоками. Портреты Федотовъ рисовалъ быстро, и они отличались разительнымъ сходствомъ; огромная способность къ *сочиненію* картинъ оказывалась въ самомъ легкомъ очеркѣ нашего художника.

Павелъ Андреичъ оставилъ службу съ мундиромъ и чиномъ капитана: разъ рѣшившись, онъ пошелъ по новому пути съ твердостью и смѣлостью. Пренебрегая лишеніями, такъ сказать, вызывая на бой нужду съ препятствіями, онъ показалъ, что не умѣетъ приносить неполной жертвы. Первое пособіе, полученное имъ, онъ раздѣлилъ на двѣ части и отправилъ бо́льшую своему отцу и сестрамъ. Остальныя суммы имѣли то же назначеніе; дѣлиться своимъ доходомъ съ родными онъ не переставалъ до конца жизни.

Павелъ Андреичъ простился съ товарищами на частномъ обѣдѣ у одного изъ офицеровъ. Въ новомъ нарядѣ онъ казался довольно некрасивымъ и самъ

надъ собой подсмѣивался, держалъ себя вообще очень весело и беззаботно. Обѣдъ сопровождался пѣніемъ, танцами, искренними пожеланіями успѣховъ; всѣ мы, развѣ за весьма малымъ исключеніемъ, были совершенно спокойны насчетъ своего стараго товарища. Семейныхъ его дѣлъ никто не зналъ. Восторженная любовь Федотова къ живописи казалась простой горячностью, залогомъ легкаго успѣха. Старшіе товарищи были увѣрены, что нашъ общій другъ изберетъ себѣ какой нибудь легкій, доходный родъ живописи, скоро набьетъ себѣ руку и, можетъ быть, составитъ порядочное состояньице. Многіе же, въ томъ числѣ и я, по молодости и вѣтренности, ровно ничего не думали, а ограничивались только желаніемъ всего хорошаго. Въ первое время послѣ отставки нашъ художникъ разъ или два раза въ недѣлю находилъ время побывать у кого нибудь изъ прежнихъ товарищей. Иногда и товарищи заходили къ артисту Федотову, въ небѣленый, печальный домъ, гдѣ-то въ великомъ отдаленіи, между пустырей, у Невки. Въ комнаткахъ было холодно и часто угарно. Преданный Коршуновъ послѣдовалъ за своимъ господиномъ въ качествѣ натурщика; одно время съ Федотовымъ жили какіе-то молодые люди, тоже художники; имени ихъ я не упомню.

На слѣдующій годъ Павелъ Андреичъ сталъ рѣже бывать у своихъ пріятелей. До насъ изрѣдка доходили слухи о томъ, что онъ приступилъ къ маслянымъ краскамъ, работаетъ утромъ, вечеромъ и ночью, при лампахъ или при солнечномъ свѣтѣ, въ Академіи или дома,—работаетъ такъ, что даже смотрѣть страшно, не давая себѣ ни пощады, ни снисхожденія, ни отдыха. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, долгихъ мѣсяцевъ, прошелъ еще годъ, и слухи приняли направленіе очень пріятное: Карлъ Павлычъ Брюловъ расхвалилъ эскизъ Федотова и часто съ нимъ видѣлся; художники, составляющіе славу русской Академіи, единогласно признавали въ нашемъ товарищѣ присутствіе замѣчательнаго дарованія. Въ рѣдкіе часы свиданія, по блѣдному

лицу Федотова можно было догадаться о вседневной, тяжкой работѣ. Волосы его сдѣлались очень рѣдки, глаза постоянно казались утомленными; но бодрость и веселость духа значительно увеличились. Онъ все еще думалъ посвятить себя живописи военныхъ сценъ и только впослѣдствіи, еще разъ посовѣтовавшись съ Брюловымъ, перешелъ къ тому роду, который такъ согласовался съ его образованіемъ, талантомъ и взглядомъ на искусство. Означенная перемѣна въ направленіи огорчила многихъ людей, любившихъ Федотова; нѣкоторые изъ нихъ даже сочли за признакъ непостоянства этотъ переходъ, въ сущности, весьма простой и раціональный. Дѣло въ томъ, что Павелъ Андреичъ постоянно понималъ военную живопись по своему и такъ называемыхъ *баталическихъ* картинъ, съ большими массами пѣхоты и конницы, съ дымомъ и правильными движеніями колоннъ, рисовать никогда не готовился. Область его была не тамъ, не посреди величественныхъ и разрушительныхъ картинъ боя массами: его въ тысячу разъ болѣе привлекало изображеніе эпизодовъ малой войны, биваковъ, перевязочныхъ пунктовъ, казарменныхъ уголковъ,—однимъ словомъ, сценъ немногосложныхъ и отличающихся отъ живописи домашнихъ сценъ только тѣмъ, что фигуры одѣты по военному и имѣютъ при себѣ оружіе. Часть эскизовъ, имъ набросанныхъ около этого времени, а еще болѣе планы будущихъ картинъ показываютъ справедливость этого заключенія. Между первыми особенно замѣчательны два: „*Французскіе мародеры въ русской деревнѣ*“ и „*Переходъ егерей вбродъ черезъ рѣку, на маневрахъ*“. И тутъ и тамъ мы видимъ собраніе характеристическихъ и забавныхъ эпизодовъ, сценъ простыхъ и доступныхъ всякому, фигуръ съ выраженіемъ въ лицахъ, такъ сказать, срисованныхъ врасплохъ и разбросанныхъ по произволу сочинителя. Что́ касается до картинъ задуманныхъ, то онѣ еще болѣе приближались къ живописи домашнихъ сценъ; самое ихъ названіе показываетъ, каковы долженствовали онѣ выйти: между ними

я помню, между прочимъ, „Вечернія увеселенія въ казармахъ по случаю полкового праздника“ и „Казарменную жизнь“, задуманную послѣ пересматриванія картинъ Гогарта. Этотъ послѣдній планъ чрезвычайно нравился Федотову. За эту картину многіе изъ пріятелей вѣчно ратоборствовали съ нимъ, хотя въ превосходномъ исполненіи частностей не сомнѣвались.

Такъ прошло около четырехъ лѣтъ послѣ выхода Федотова изъ полка. Четыре года непрестанной, усиленной работы, повидимому, не принесли съ собой ничего, кромѣ голословныхъ похвалъ и большого количества разныхъ плановъ. Съ каждымъ годомъ доходы Павла Андреича становились недостаточнѣе, потому что къ расходамъ на семейство и содержаніе себя прибавились издержки на краски, полотно, анатомическія книги и рисунки, наконецъ на плату первымъ натурщикамъ. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ Федотова можно было видѣть по вечерамъ или въ обѣденное время. Мнѣ случалось видѣть его обѣдъ, присылаемый отъ сосѣднихъ кухмистеровъ за плату, рѣдко превышавшую 15 коп. серебромъ; случалось находить его рисующимъ въ холодной комнатѣ, имѣя на себѣ сверхъ платья тулупъ и шинель. Всякій знаетъ, до какой степени бываютъ щекотливы, тягостны свиданія съ лучшими друзьями при такихъ условіяхъ; но Федотовъ составлялъ въ этомъ случаѣ благороднѣйшее и полнѣйшее изъятіе. Онъ несъ бѣдность до такой степени тихо и просто, что всякое стѣсненіе исчезало. Вы видѣли себя не въ присутствіи талантливаго бѣдняка, охающаго и рисующагося передъ вами, но просто находились въ обществѣ вѣрнаго, добраго пріятеля, счастливаго своимъ призваніемъ и не имѣющаго ни времени, ни охоты думать объ удобствахъ жизни. Соболѣзновать о лишеніяхъ Павла Андреича, а еще болѣе тяготиться ихъ видомъ казалось мнѣ такъ же страннымъ, какъ проливать слезы о томъ, что какой-нибудь мореплаватель или естествоиспытатель не пользуется комфортомъ въ своихъ странствованіяхъ.

Во всѣ эти четыре года не случалось слыхать мнѣ отъ Федотова ни одной жалобы: онъ не любилъ шутить надъ своимъ положеніемъ, какъ многіе люди съ эластическимъ характеромъ, но зато не смущался имъ никогда. Въ это время онъ по временамъ сходился съ компаніей людей, слишкомъ беззаботныхъ въ денежномъ отношеніи, любившихъ мотовство и свой взглядъ на веселую артистическую бѣдность простиравшихъ до замѣчательной парадоксальности. Это юношеское, обильное оригинальностью воззрѣніе на бѣдность отчасти возмущало Павла Андреича, его любимою фразою въ этомъ случаѣ было: „всѣ вы, господа, бѣдняки-дилетанты! За всякимъ изъ васъ кто-нибудь стоитъ съ полнымъ карманомъ, *сами вы ни передъ кѣмъ не стоите, никого не выносите на своихъ плечахъ!* Вы толкуете о веселой бѣдности, какъ я могу говорить о Швейцаріи, сходивъ поглядѣть на декораціи „Соннамбулы“. Истинной бѣдности вы не знаете и должны благодарить Бога“. Но, понимая всю печальную сторону бѣдности, извѣдавъ вполнѣ, что̀ значитъ *выносить другихъ людей на своихъ плечахъ*, нашъ художникъ въ то же самое время сознавалъ, что въ этомъ дѣлѣ *„сказать пасъ есть половина неудачи“*. Говоря о художникахъ, которые богатѣли, отступившись отъ упорной работы для поставки скороспѣлыхъ произведеній, Федотовъ ограничивался нѣсколькими словами, нелишенными колкости, при своемъ неоспоримомъ снисхожденіи: „Такой-то пишетъ очень легко и мило. Онъ забылъ свою старую манеру. Что̀жъ дѣлать! ему надобно жить и хочется жить! Вильки подъ конецъ жизни дѣлалъ то же. Гвидо-Рени, говорятъ, дѣлалъ то же“. Тутъ были и оправданіе и благородная терпимость; а между тѣмъ общій приговоръ былъ очень строгъ: человѣка, спасовавшаго передъ нуждою, Федотовъ неумолимо вычеркивалъ изъ списка художниковъ, оставляя за нимъ всѣ качества прекраснаго, умнаго, ловкаго, но слабаго смертнаго.

Жанъ-Поль говоритъ, съ своей обычною глубиной мысли: „бѣдность то же, что операція протыканія ушей у молодыхъ дѣвушекъ. Больное мѣсто заживаетъ, и его украшаютъ потомъ перлами и брильянтами. Въ нуждѣ крѣпнетъ дарованіе человѣка. Кто знаетъ, сколько таланта и поэзіи погребено подъ грудами золота!“ Федотовъ не былъ фанатикомъ нищеты, подобно знаменитому германцу, (какъ и онъ, выносившему на своихъ плечахъ существованіе дорогихъ ему людей): взглядъ его въ этомъ случаѣ имѣлъ разумную двойственность, охватывавшую вопросъ съ каждой стороны. Глядя на эскизъ Федотова „Старость Художника“ *), можно подумать, что твердый духъ его часто изнемогалъ подъ бременемъ нужды. Такое заключеніе будетъ едва ли справедливо: Павелъ Андреичъ изучалъ фазизы нищеты такъ, какъ изучалъ онъ въ натурѣ лица трактирныхъ героевъ, не дѣлаясь черезъ то трактирнымъ посѣтителемъ. Несомнѣнно то, что до своего знакомства съ Брюловымъ онъ не былъ совершенно увѣренъ въ своихъ силахъ и видѣлъ по временамъ передъ собой печальную старость; но мысль его объ этомъ предметѣ была не болѣе, какъ мыслью полководца о возможности быть убитымъ въ сраженіи. Оттого духъ его былъ постоянно бодръ, а манеры (даже въ періодъ изнуряющихъ усилій) могли назваться веселыми и непринужденными.

Въ эти годы Федотовъ любилъ говорить о художествѣ и художникахъ, особенно о художникахъ моло-

*) Эскизъ этотъ извѣстенъ друзьямъ Павла Андреича. Изъ него несомнѣнно имѣла выйти картина мрачнаго, потрясающаго содержанія. Здѣсь онъ изобразилъ самаго себя, въ преклонныхъ лѣтахъ, посреди голодной семьи и бѣднѣйшей обстановки, пишущаго вывѣски, между тѣмъ какъ дворникъ вынимаетъ вьюшки изъ трубъ, и проч. Эскизъ этотъ, истинно гогартовскій по смыслу, писанъ въ минуту унынія, но унынія *не передъ нуждою*, а передъ мыслію о предполагаемой слабости своего дарованія. Сомнѣніе въ своихъ силахъ часто томило душу Федотова въ годы приготовительнаго труда. Послѣ выставки онъ совершенно охладѣлъ къ своему превосходному эскизу.

дыхъ и богатыхъ надеждами: его симпатія къ труду, снисходительность ко всякому начинанію были таковы, что, слушая его, можно было ожидать впереди цѣлой эры для отечественнаго искусства, цѣлаго созвѣздія новыхъ, превосходныхъ дѣятелей. Разсказы его объ оригинальной жизни нѣкоторыхъ молодыхъ людей, посвятившихъ себя искусству, могли назваться неподражаемыми; но Федотовъ оказывался очень строгъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые вредили будущимъ своимъ успѣхамъ разгульною жизнію. „Мнѣ грустно думать— говаривалъ онъ—что нѣкоторые художники еще до сихъ поръ подтверждаютъ своимъ страннымъ поведеніемъ нерасположеніе общества къ нашему брату. Старый предразсудокъ о томъ, что всякій человѣкъ, посвятившій себя служенію изящнаго, есть непремѣнно гуляка, истребляется съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ нѣкоторая часть изъ нашего, художническаго круга, будто нарочно вызываетъ на себя охужденіе! Въ нѣкоторыхъ изъ насъ еще таится несчастная, на бѣду къ намъ заброшенная идея о томъ, что отклоненіе отъ приличій идетъ рядомъ съ геніальностію. Есть еще до сихъ поръ художники *), зараженные этой мыслью до того, что всякій тихій, трезвый, осмотрительный трудъ кажется имъ „достоинствомъ бабьимъ“. Они хотятъ жить и работать скачками, не зная мѣры въ трудѣ и увеселеніи: все у нихъ порывисто, ярко и какъ-то буйно. Бѣда въ томъ, что, сотворивъ пять или шесть скачковъ, они изнуряются, впадаютъ въ апатію и всю страсть берегутъ для однихъ увеселеній. Нѣтъ! мое мнѣніе всегда будетъ въ пользу ежеминутнаго труда и жизни самой воздержной, самой спокойной: еслибъ я могъ перелить это убѣжденіе въ души многихъ молодыхъ людей, своихъ сверстниковъ по искусству!“...

Одною изъ главныхъ причинъ душевнаго спокойствія, давшаго Федотову такъ много времени, силы и средствъ

*) Долгомъ считаю замѣтить, что слова эти сказаны много лѣтъ назадъ, при началѣ занятій Федотова.

на все прекрасное, нужно назвать его необыкновенно здравый, практическій и разумно философскій взглядъ на радости и печали жизни. Онъ любилъ красоту женщинъ, веселіе пировъ, изучалъ страсти какъ артистъ,— какъ артистъ, не былъ равнодушенъ къ блеску, пышности, изящной обстановкѣ богатаго человѣка; но ему была рѣшительно незнакома язва талантовъ нашего времени, именно: жажда сильныхъ ощущеній. У насъ былъ одинъ прекраснѣйшій и добрѣйшій товарищъ, вѣчно наслаждавшійся жизнью и увѣрявшій, что онъ „не живетъ, а прозябаетъ“. Это недовольство настоящимъ всегда вызывало Павла Андреича на противорѣчія. Толки юношей, готовыхъ отдать „всю свою безцвѣтную жизнь“ за годъ „страстей и наслажденій“, смѣшили Федотова точно такъ же, какъ разсмѣшилъ бы приговоръ какого нибудь цѣнителя, вздумавшаго, изъ любви къ яркимъ сюжетамъ, дѣлить картины не по достоинству исполненія, а по тому, что на нихъ изображается, ставя на первый планъ изображенія пожаровъ, убійствъ и изверженій Везувія. Одинъ разъ, въ маленькомъ собраніи умныхъ людей, при нашемъ художникѣ кѣмъ-то высказана была мысль такого рода: „Напрасно человѣкъ сталъ бы дѣлить событія жизни на событія мелкія и великія. Для истиннаго человѣка каждая минута приноситъ съ собой событіе. Для него новая мысль есть событіе, взглядъ на картину есть событіе, посѣщеніе самаго скучнаго болтуна есть событіе. Если складъ ума, способнаго къ анализу, имѣетъ въ себѣ нѣчто артистическое, то жизнь человѣка, обладающаго такимъ умомъ, есть море событій живыхъ и благотворныхъ. Для такого человѣка не можетъ быть скуки и въ нѣкоторомъ смыслѣ несчастія, ибо несчастіе есть бездѣйствіе“. Вслѣдствіе этихъ словъ, Павелъ Андреичъ постоянно говорилъ о человѣкѣ, ихъ сказавшемъ, какъ „о славной головѣ и свѣтломъ сердцѣ“. Его смутныя, сокровенныя убѣжденія всѣ получили ясность, всѣ были высказаны чужимъ человѣкомъ въ этотъ вечеръ.

Наконецъ наступилъ періодъ времени, пролившій столько радости на послѣдніе годы жизни нашего художника. Федотовъ вѣрилъ въ себя со дня своего знакомства съ Брюловымъ. Похвалы знатоковъ дѣла, членовъ Академіи, только подтвердили его увѣренность, но оставался главный шагъ — встрѣча съ публикою. Три картины Павла Андреича: „Сватовство“, „Послѣдствія пирушки“ и „Горбатый женихъ“, поступили въ число произведеній, имѣвшихъ явиться на художественной выставкѣ. Первая вѣсть, которою я былъ встрѣченъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, осенью 1848 *) года наполнила меня радостью. Имя Павла Андреича гремѣло по городу. Его сослуживцы и друзья находились въ полномъ восхищеніи. Я бросился въ Академію и увидѣлъ въ одной изъ боковыхъ залъ великія толпы народа. Все пространство отъ картинъ до двери было запружено любопытными: едва-едва, съ помощью лорнета и приподнявшись на цыпочки, успѣлъ я усмотрѣть, за толпою, картины, столько мнѣ знакомыя. Художникъ Б., стоявшій около, передалъ мнѣ всѣ интересовавшія меня подробности о первыхъ дняхъ выставки и о томъ, какъ далеко разлилась слава нашего общаго друга. Отъ него же узналъ я, что самъ Федотовъ часто бываетъ въ залѣ и прислушивается къ сужденію посѣтителей. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ предстало предъ нами веселое, но значительно постарѣвшее за лѣто лицо Павла Андреича.

Федотовъ провожалъ какихъ-то дамъ и, несмотря на всѣ свои усилія, не могъ пособить имъ пробраться къ картинамъ черезъ сплошную массу зрителей. Уставъ и досадуя на свою неловкость, онъ пустилъ въ дѣло послѣднее средство.

---

*) Выставка эта была трехгодичная; за нее Федотовъ получилъ званіе академика. „Послѣдствія пирушки“ и „Горбатый женихъ“ были уже на годичной выставкѣ 1847 года, нравились всѣмъ, но полная популярность произведеній Федотова началась съ его „Поправки обстоятельствъ“.

— Господа, сказалъ онъ, тронувъ двухъ или трехъ человѣкъ изъ задняго ряда:—пропустите на минуту *автора*.

При этомъ словѣ посѣтители почтительно раздвинулись и дали дорогу дамамъ. Федотовъ передъ тѣмъ дѣлалъ должностной визитъ и одѣтъ былъ въ мундирѣ, безъ эполетъ, а вмѣсто каски имѣлъ онъ шляпу съ чернымъ перомъ, какъ носили во время его отставки. Когда онъ отходилъ отъ картинъ, мы сошлись лицомъ къ лицу; послѣ различныхъ привѣтствій, условились этотъ день обѣдать вмѣстѣ, пригласивъ изъ числа товарищей тѣхъ, которые отыщутся дома.

Въ этотъ день я испыталъ множество отрадныхъ ощущеній. Мнѣ случалось поздравлять людей, которые, по прекрасному выраженію Байрона, „проснувшись въ одно утро, вдругъ увидѣли себя извѣстными“; случалось привѣтствовать лицъ, къ которымъ слава пришла неожиданно, безъ усилій съ ихъ стороны и безъ зова. Но все это немало не сходствовало съ положеніемъ Федотова. Начавъ азбуку своего искусства въ лѣта, данныя человѣку для творчества, онъ цѣлыя пять лѣтъ держалъ бой неутомимый и безпощадный,—цѣлыя пять лѣтъ, поставивъ страшную карту, ждалъ, на которую сторону она выпадетъ. Дни, мѣсяцы и годы тяжкихъ лишеній, занятые работою, способной сокрушить силы пяти юношей, могли быть проведены напрасно: проснувшись въ одно утро, Федотовъ могъ увидѣть себя не посреди завоеванной славы, а добычей горькаго отчаянія, съ испорченной будущностью, бѣднымъ семействомъ на рукахъ и сознаніемъ того, что время труда пропущено безъ возврата! И онъ наконецъ дождался конца тяжелой драмы,—онъ имѣлъ право сказать, что трудился не напрасно! Потому-то въ его славѣ было много трогательнаго и высокаго; она оказывалась дорогимъ оружіемъ, вырваннымъ у врага послѣ тяжкой битвы, а не щегольскимъ раззолоченнымъ трофеемъ, годнымъ на украшеніе красиваго кабинета!

И художникъ нашъ вполнѣ зналъ ей цѣну. Онъ не прикидывался скромникомъ: мысль, что его знаетъ Пе-

тербургъ и скоро будетъ знать вся Россія, приводила его въ восхищеніе; онъ строилъ планы насчетъ поѣздки въ Англію для изученія Вильки и Гогарта, разъяснялъ передъ нами значеніе избраннаго имъ рода живописи и толковалъ о новыхъ задуманныхъ имъ картинахъ. При всемъ этомъ онъ обнаружилъ, по поводу своей извѣстности, нѣсколько особенностей, о которыхъ теперь нельзя подумать безъ удивленія. Во-первыхъ, на печатныя себѣ похвалы глядѣлъ онъ съ совершеннымъ равнодушіемъ,—а впослѣдствіи даже не читалъ ихъ никогда. Можетъ быть, похвалы эти были нехорошо составлены; но вѣрнѣе то, что изустная похвала казалась ему живѣй и правдивѣе. Во-вторыхъ, онъ не сердился ни на какое противорѣчіе, какъ бы оно близко ни касалось его самыхъ задушевныхъ теорій. Такъ, напримѣръ, за обѣдомъ, послѣ выставки, онъ много говорилъ о томъ, что каждое изъ его произведеній должно содѣйствовать исправленію нравовъ. Въ „Послѣдствіи пирушки“—сказалъ онъ—всякій зритель усмотритъ вредъ отъ нерасчетливой жизни, отъ *дурныхъ сообщниковъ*. „Сватовство“ приведетъ на мысль унизительное положеніе празднаго человѣка, ищущаго поправки обстоятельствъ посредствомъ нелѣпаго брака. Многіе изъ присутствующихъ возстали противъ этой теоріи.

— Павелъ Андреичъ, сказалъ ему одинъ изъ гостей:— эти уроки о вредѣ праздности и дурной компаніи скажетъ человѣку всякій писака, даже изъ бездарныхъ; всякая нравоучительная сентенція попадаетъ въ цѣль вѣрнѣе художественнаго труда. Твоя сила не въ поученіи нравовъ, или, если хочешь, въ поученіи, только не черезъ такую мораль, а черезъ зрѣлище изящнаго. Двигаясь тобой описаннымъ путемъ, можно прямо попасть на общія мѣста (lieux communis).

Это возраженіе послужило поводомъ къ большому спору, въ которомъ Федотовъ принималъ участіе такимъ образомъ, какъ будто бы вопросъ нимало его не касался.

Еще одною прекрасной чертой Павла Андреича была необыкновенная, искренняя снисходительность при оцѣнкѣ произведеній, писанныхъ современными художниками, даже художниками весьма неопытными. Расхаживая съ нимъ по чьей нибудь галлереѣ или по заламъ Академіи во время выставки, нужно было дивиться его беспристрастной, или, скорѣе, пристрастной въ хорошую сторону натурѣ. Для маленькой искры таланта онъ прощалъ всѣ ошибки, ее глушившія; если и таланта не было, онъ чтилъ трудолюбіе художника, хвалилъ выборъ сюжета, указывалъ на какую, нибудь малѣйшую, дѣльно выполненную подробность. Людямъ, дающимъ волю своей зависти, стоило иногда подслушать эти оцѣнки.

— Не глядите на эти деревья: это вѣники, говорилъ онъ:—да вѣдь и старые итальянцы писали вѣники на своихъ фонахъ. Обратите вниманіе на грацію головки, да вотъ на эту складочку.—А вотъ полюбуйтесь на этого голяка, что́ стоитъ на колѣняхъ. Онъ въ восторгѣ: видно, что у него сердце хочетъ изъ груди выпрыгнуть. Освѣщеніе... ну да незачѣмъ глядѣть на освѣщеніе!—А вотъ замѣтьте, что значитъ писать на память, безъ натуры, *отъ себя:* у этого сидящаго старика нога будетъ въ сажень, если ее вытянуть; зато какъ милы двѣ дѣвушки по сторонамъ. Писалъ французъ—французу все прощается.

Терпимость Федотова могла назваться безграничною; даже въ его охужденіи всегда было нѣчто мягкое, смягчающее рѣзкость главнаго приговора. Мимо картинъ, плохихъ до крайности, проходилъ онъ молча и какъ бы торопливо: никогда не позволялъ онъ себѣ глумиться надъ бездарностью, наносить ударъ упавшему человѣку. *Трудъ* былъ для него чѣмъ-то священнымъ; никогда не выражая этой мысли отчетливымъ образомъ, онъ служилъ ей всю жизнь, въ мелочахъ и въ дѣлахъ первой важности, почерпая въ ней всю свою силу, все счастіе своей жизни. Къ праздным людямъ онъ постоянно чувствовалъ нѣкоторую антипатію, оправдывая себя такими словами:

„Я знаю, что человѣкъ безъ занятій, въ душѣ своей врагъ каждому трудящемуся человѣку!“

Сочувствіе Федотова къ дѣятельности его знаменитыхъ товарищей по Академіи было безпредѣльно: съ какимъ восторгомъ говорилъ онъ о геніи Брюлова, какими радостными словами встрѣтилъ онъ блестящія начинанія г. Рицони! Никогда не забуду его словъ по полученіи извѣстія о смерти скульптора Ставассера:

„Умеръ еще одинъ великій художникъ!—*умеръ, не показавъ намъ десятой части своего товара!*“

Грустныя выраженія, будто пророчившія собственную участь Павла Андреича!

Въ эту же самую осень счастливый случай сблизилъ насъ съ Павломъ Андреичемъ еще болѣе прежняго. Почти въ одно и то же время онъ перемѣнилъ свою квартиру, между тѣмъ какъ я занялъ для себя еще одну квартиру, у Большого проспекта; такъ что строеніе, въ которомъ жилъ Федотовъ, оказалось на половинѣ дороги между обоими жильями его преданнаго друга, товарища и почитателя. Одинъ разъ, проходя пѣшкомъ по 21-й линіи, я услыхалъ стукъ въ окно маленькаго, деревяннаго домика въ одинъ этажъ, и когда подошелъ поближе, мнѣ предстали неразлучныя фигуры художника съ его вѣрнымъ служителемъ.

— Мы съ вами опять финляндцы! кричалъ Федотовъ (Казармы полка были видны изъ его оконъ).—Входите же поскорѣе. Теперь мы будемъ видѣться всякій разъ, какъ вы того захотите.

Коршуновъ, маленькій черный человѣчекъ съ смѣтливымъ и умнымъ лицомъ, какъ у всѣхъ ярославцевъ, также очень довольный близостью полка, выбѣжалъ ко мнѣ и повелъ меня по двору, украшенному полу развалившимися сараями, клѣтушками и дряхлымъ флигелемъ.

По внутреннему расположенію, эта квартира Федотова, въ домѣ господина **, была значительно хуже всѣхъ квартиръ, до того имъ занимаемыхъ: она вся состояла изъ маленькихъ сѣней и одной холодной ком-

наты, да еще чуланчика, гдѣ помѣщался служитель. Коршуновъ, уже успѣвшій и съ своей стороны пристраститься къ искусству, съ довольнымъ видомъ указалъ мнѣ на стѣны своего помѣщенія, сверху до низу оклеенныя лубочными картинками и неудачными рисунками, отданными баріномъ въ его вѣчное владѣніе.

— Какъ же и мнѣ не заниматься художествами! прибавилъ онъ, весело смѣясь.

Комната Павла Андреича была вся загромождена гипсовыми вещами, книгами и начатыми рисунками. Въ одномъ углу стоялъ манекенъ, съ перваго взгляда совершенно напоминавшій живого человѣка; прямо противъ него помѣщался слѣпокъ съ Венеры Медицейской. Квартира стоила пять рублей въ мѣсяцъ; выбирая ее, Федотовъ гнался не за дешевизной (ему нѣсколько разъ предлагали помѣщенія недорогія и удобныя), а за тѣмъ, чтобъ главная комната сходствовала съ комнатой, задуманной имъ для одной изъ своихъ картинъ. Сверхъ того оказывалось нужнымъ, чтобъ эта комната была не на солнцѣ, имѣла бъ три окна да еще какія-то другія особенности. Къ сожалѣнію, весь трудъ (онъ искалъ такой квартиры нѣсколько мѣсяцевъ) оказался напраснымъ: планъ задуманной картины смѣнился другими планами; а за Федотовымъ осталось только холодное и безпокойное помѣщеніе, черезъ стѣну съ маленькими дѣтьми, кричавшими, бѣгавшими и плакавшими цѣлыя сутки, безъ отдыха.

Впрочемъ, описанныя неудобства выкупались многими выгодами. Федотовъ принадлежалъ къ числу людей, для которыхъ общее мѣрило удобствъ и неудобствъ, бѣдъ и радостей жизни вовсе не существуетъ. Мнѣ было истинно смѣшно, когда многіе прекрасные люди, побывавъ у него въ полу-разрушенномъ домикѣ, начинали соболѣзновать и судить о бѣдной обстановкѣ по своему.

„Во сколько разъ—можно было сказать имъ при этихъ случаяхъ—во сколько разъ нашъ художникъ счастливѣе васъ всѣхъ, господа, окруженныхъ довольно-

ствомъ и комфортомъ! Для него весь день состоитъ изъ отрадныхъ ощущеній; онъ охотно желалъ бы, чтобъ его сутки имѣли сорокъ-восемь часовъ, тогда какъ вы, можетъ быть, не знаете, что дѣлать съ половиною вашего времени!"

И точно: радости Павла Андреича были почти непонятны людямъ, ужасавшимся при видѣ его убогаго помѣщенія. Не говоря уже о сладости труда, объ упоеніи извѣстности, о кружкѣ добрыхъ молодыхъ друзей, нашъ живописецъ видѣлъ цѣлые потоки наслажденій въ одной своей наблюдательной способности. Видъ снѣговой поляны передъ окнами, розовые сумерки зимняго вечера дѣлали его счастливымъ на весь день *); всѣ жильцы дома: огородники, слѣпая дѣвушка и старѣйшій морякъ, ходившій обыкновенно въ фуражкѣ съ половиною козырька, интересовали его, и онъ хорошо зналъ ихъ нравы. Иногда мы посвящали утро, а лѣтомъ—вечеръ, прогулкѣ на Смоленское кладбище, въ селеніе Галерной Гавани, и всякій человѣкъ, знавшій Федотова, не найдетъ страннымъ, если я скажу, что подобнаго рода прогулки по отдаленнымъ захолустьямъ были для меня въ десять разъ интереснѣе бала, оперы, самой любопытной и рѣдкой книги. Вѣчно ровный по характеру, зоркій на все живописное, образованный совершенно по своему, неистощимый въ разговоры, понимавшій цѣну жизни такъ, какъ никто ее не понимаетъ, Федотовъ былъ полонъ истинной самостоятельности, наблюдательности безграничной, но симпатической. Когда я бывалъ съ нимъ вмѣстѣ, мнѣ казалось, что у меня во лбу лишнихъ два глаза, и что лишняя голова сидитъ на моихъ плечахъ. Разсказы этого человѣка, видѣвшаго на своемъ вѣку только Петербургъ и Москву, были живѣе, интереснѣе, неистощимѣе, чѣмъ разсказы многихъ людей, объѣхавшихъ полъ-свѣта.

*) У меня хранится видъ 20-й линіи, зимой, около сумерекъ, подаренный мнѣ Павломъ Андреичемъ. Около дома г. ** идутъ двѣ фигуры въ шубахъ, изображающія его самого вдвоемъ со мною. Вся вещица кончена въ одно утро, масляными красками.

Сознаніе того, что жизнь его полна и вѣчно будетъ полною, надѣляло Федотова спокойствіемъ духа, способностью быть счастливымъ,—способностью, твердо стоявшею противъ всѣхъ враждебныхъ случайностей. Онъ никогда не торопился, ни къ чему ни рвался; даже въ дѣлахъ любви онъ оказывался разсудительнымъ. Подъ угловатостью его манеръ, подъ сужденіями, для иныхъ казавшимися рѣзкими, таились деликатность духа, терпимость и уступчивость безконечная, спокойная вѣра въ силу труда, въ обязательность принятаго имъ на себя дѣла.

Отрадно подумать, что въ послѣдніе годы своей жизни Павелъ Андреичъ былъ истинно-счастливымъ человѣкомъ, и, конечно, не промѣнялъ бы своей участи на участь богача. Лучшимъ доказательствомъ этого довольства своимъ положеніемъ (кромѣ словъ самого художника) можетъ служить его совершеннѣйшая холодность ко всякому измѣненію въ своемъ образѣ жизни. Знакомства у Федотова было очень много, особенно послѣ выставки, и онъ знакомился съ людьми охотно; но побывавъ въ новыхъ домахъ два-три раза, наглядѣвшись на новыя лица, тотчасъ же возвращался онъ къ ряду своихъ обычныхъ занятій и развлеченій. Частыя приглашенія его тяготили; разгульныхъ же компаній онъ рѣшительно не любилъ. Вторженіямъ энтузіастовъ въ свое помѣщеніе онъ бывалъ очень радъ, платилъ имъ визиты, дружился и потомъ опять закупоривался въ 21-ю линію. Между этими энтузіастами бывали и дамы, иногда хорошенькія и богатыя, иногда очень расположенныя въ пользу таинственнаго художника; но Федотовъ и тутъ не поддавался искушенію. не смотря на свою всегдашнюю, весьма извинительную слабость къ похваламъ и ласкамъ женщинъ.

Одно изъ приключеній въ такомъ родѣ,—приключеній, на время возмутившихъ душевный покой Павла Андреича, заключалось въ слѣдующемъ. Молодая и богатая дѣвушка, постоянно слѣдившая за успѣхами нашего художника, успѣвшая убѣдиться въ благород-

ствѣ его души и другихъ достоинствахъ, открыто дала ему замѣтить, что готова, отказавшихъ отъ другихъ партій, терпѣливо выжидать того времени, когда еще нѣсколько лишнихъ шаговъ по пути къ извѣстности позволятъ Федотову предложить ей свою руку. Откровенный поступокъ дѣвицы, неоспоримо показывая въ ней присутствіе души благородной и юношеской, не могъ не подѣйствовать на Павла Андреича. Не называя особы и не вдаваясь въ исторію своихъ къ ней отношеній, одинъ разъ, въ искреннемъ разговорѣ, онъ передалъ все происшествіе, называя главное лицо героинею. Послѣ разсказа, Федотовъ принялся развивать теоріи, воздвигнувшія съ моей стороны сильное противодѣйствіе.

— Эта женщина—говорилъ онъ—теперь получаетъ полную власть надо мною. Меня слишкомъ мало любили и цѣнили въ мою жизнь: я обязанъ всѣмъ особѣ, полюбившей и оцѣнившей меня въ настоящее время. Я чувствую, что съ прекращеніемъ одинокой жизни кончится моя художническая карьера. Мнѣ принесена жертва, и, *можетъ быть*, я отвѣчу на нее жертвою.

Таковъ былъ общій смыслъ его длинныхъ рѣчей, и вообще онъ находился въ волненіи скорѣе тягостномъ, чѣмъ отрадномъ.

Аргументы мои, о которыхъ я долженъ упомянуть затѣмъ, чтобъ послѣдующія замѣтки Федотова были понятны, заключались въ слѣдующемъ. Дѣвица, отказавшаяся отъ выгодныхъ партій и рѣшившаяся выжидать брака съ знаменитымъ, любимымъ, хотя небогатымъ человѣкомъ, по моему пониманію, поступала очень благородно, умно; но героизма въ ея поступкѣ я не примѣчалъ никакого. Федотовъ имѣлъ чинъ, званіе академика *), репутацію, связи; бѣденъ онъ былъ

*) Въ 1850 году, 3 декабря, въ прибавку къ получаемому Федотовымъ содержанію изъ Государственнаго Казначейства, назначено было ему производить изъ Академіи, насчетъ суммы для ободренія художниковъ, отпускаемой изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, по триста рублей серебромъ въ годъ, какъ во уваженіе

не по отсутствію потребности на его трудъ, но потому, что самый трудъ еще выполнялся медленно; совладавъ съ мелочами техники, нашъ художникъ могъ смѣло сказать самъ себѣ: „теперь и я и мои родные обезпечены“! Жертвы, требующей въ награду другой жертвы, не оказывалось. Самые толки о жертвѣ и героизмѣ заставляли меня думать, что Павелъ Андреичъ въ этомъ дѣлѣ любитъ скорѣе головой, чѣмъ сердцемъ.

Въ отвѣтъ на мои замѣчанія покойный художникъ сказалъ мнѣ, своимъ отрывистымъ и картиннымъ языкомъ, котораго я передавать не берусь, нѣсколько мыслей, кидающихъ яркій свѣтъ на то, какъ понималъ онъ свою жизнь и свое назначеніе. Изъ словъ его было видно, что онъ считаетъ трудъ упорный, трудъ неотступный величайшимъ наслажденіемъ въ жизни, что быть умныхъ, милыхъ, но праздныхъ людей кажется ему достойнымъ жалости, что каждый день его есть одна цѣпь событій, мыслей, замысловъ, радостей при успѣхѣ, усиленной работы при вымыслѣ, что онъ увѣренъ въ своихъ силахъ и будущей славѣ, что ему знакомо только одно горе: бѣдное положеніе его престарѣлаго отца съ семействомъ.

— Подумали ли вы о томъ, прибавилъ онъ наконецъ—сколько постороннихъ радостей, сколько вредныхъ искусству заботъ повлечетъ за собой моя тѣсная связь съ богатымъ семействомъ, наконецъ моя жизнь семейная. Меня не станетъ на двѣ жизни, на двѣ задачи, на двѣ любви—къ женщинѣ и къ искусству. Развѣ затѣмъ я долженъ принять ея руку, чтобъ оставить ей одни заботы и хлопоты, а самому, вдали отъ нея, вести ту жизнь, безъ которой я не могу впередъ двигаться? На прошлой недѣлѣ мы провели съ вами отличный вечеръ, шатаясь по дальнимъ улицамъ, представляя, будто мы

его дарованій, такъ и потому, что онъ, при исполненіи картинъ избраннаго имъ рода живописи, долженъ имѣть значительные расходы на наемъ людей и пріобрѣтеніе другихъ необходимыхъ при работѣ вещей. (Изъ свѣдѣній, полученныхъ отъ Императорской Академіи Художествъ).

нанимаемъ углы отъ жильцовъ,—шатаясь, подсмотрѣли десятки сценъ: голова моя обогатилась, я задумалъ нѣсколько новыхъ эскизовъ. Возможны ли подобныя занятія при семейной жизни? Нѣтъ! чтобъ итти, и итти прямо, я долженъ оставаться *одинокимъ зѣвакой* до конца дней моихъ. Моего труда въ мастерской только десятая доля: главная моя работа на улицахъ и въ чужихъ домахъ. Я учусь жизнью, я тружусь, глядя въ оба глаза; мои сюжеты разсыпаны по всему городу, и я самъ долженъ ихъ разыскивать. Свѣтъ сердится, когда люди умѣютъ быть счастливыми безъ него, и я не намѣренъ ссориться со свѣтомъ.

Не трудно предположить послѣ такого взгляда на вещи, что образъ жизни Павла Андреича былъ довольно оригиналенъ. Еслибъ онъ имѣлъ время и прихоть вести свой журналъ, мы обладали бы автобіографіею несравненною въ своемъ родѣ,—автобіографіею, изъ которой художники послѣдующихъ поколѣній могли бы почерпать готовые сюжеты для картинъ. Просыпался Федотовъ очень рано, раскрывалъ форточки, несмотря на погоду, иногда просовывалъ туда голову, дышалъ холоднымъ воздухомъ, иногда заглядывалъ на дымъ отъ трубъ, на изморозь, на свѣжую траву или на проходящихъ пѣшеходовъ. Потомъ его обливали холодной водою, одѣвали, смотря „по сезону“ (его слово) въ пальто или теплую шинельку—и Павелъ Андреичъ, нахлобучивъ теплую фуражку самаго некрасиваго вида, устремлялся по дорогѣ къ Большому проспекту. Такъ какъ линія была и длинна и пуста, то онъ успѣвалъ обыкновенно, согрѣться, не развлекаясь обиліемъ интересныхъ предметовъ. На проспектѣ онъ начиналъ наблюдать и застаиваться тамъ, гдѣ почему нибудь толпился народъ кучками. Ему попадались писцы, отправляющіеся въ должность, финлядскіе солдатики, скидававшіе, по старой памяти, передъ нимъ шапки, потомъ хозяйки, въ сопровожденіи горничныхъ, идущія къ рынку, художники, подвигающіеся по направленію къ Академіи, а наконецъ разносчики и купечество окрестностей Андре-

евскаго рынка. Направленіе прогулокъ часто перемѣнялось. Сколько я могъ замѣтить, Федотовъ въ этомъ отношеніи держался только одного правила: не ходить тамъ, гдѣ мало бываетъ народа. Заставъ его послѣ такой прогулки, уже можно было бесѣдовать съ нимъ полдня, не исчерпавъ всѣхъ предметовъ, имъ подмѣченныхъ. Тамъ онъ видѣлъ чухонцевъ, игравшихъ въ носки у дворника; у одного носъ уже былъ красенъ, *формою своею сходствуя съ кактусомъ*. Въ другомъ мѣстѣ ему удалось итти слѣдомъ за двумя толстенькими дѣвочками, отправлявшимися въ пансіонъ, при чемъ было открыто подъ шляпкой ушко маленькое и прозрачное, какое рѣдко кому видѣть случалось. Потомъ на встрѣчу попался отставной морякъ, съ половиной козырька; борода у него была какъ *серебряная скребница*; добрый старикашка сообщилъ кое-что очень любопытное о своемъ свиданіи съ лордомъ Нельсономъ въ Неаполѣ. Потолковавъ съ моряком, Федотовъ толкнулся было къ одному своему должнику, который встрѣтилъ его въ самомъ утреннемъ неглиже, безъ халата, будто желая показать, что *съ меня, братъ, взять ничего*! Потомъ повстрѣчался одинъ фланеръ Васильевскаго Острова, въ венгеркѣ; у этого борода была выбрита, но онъ такъ рѣдко имѣлъ привычку бриться, что Федотовъ, привыкнувъ видѣть у него щетину на подбородкѣ, сперва не узналъ своего пріятеля. Около домика, гдѣ живетъ *та черноглазая*, онъ заглянулъ въ окно и узрѣлъ бѣднаго мужа, забившагося въ уголъ, между тѣмъ какъ сожительница кричала на весь домъ и прохожіе останавливались. И все это разсказывалось такъ, какъ немногіе умѣютъ разсказывать, а сверхъ того вся рѣчь сопровождалась шуткой, веселымъ смѣхомъ, мѣткимъ словцомъ, какой-нибудь подробностью, которая такъ и носилась передъ вашими глазами.

За прогулкой слѣдовалъ чай, котораго одинъ стаканъ, совершенно простывши, цѣлое утро стоялъ около красокъ, и, вмѣстѣ съ чаемъ, капитальная работа. О взыскательности Федотова къ самому себѣ, о его герой-

ской добросовѣстности (извольте высидѣть цѣлыя сутки надъ отдѣлкою подсвѣчника, когда вся картина готова и сторгована!) говорить я не буду: найдутся люди, которые обо всемъ этомъ скажутъ свое слово. Скажу только, что, проходя и проѣзжая почти ежедневно, въ одинадцатомъ часу, мимо домика, гдѣ обиталъ Павелъ Андреичъ, и потому заходя къ нему въ недѣлю раза два, на нѣсколько минутъ, я часто бывалъ свидѣтелемъ особенностей, о которыхъ нельзя умолчать. Иногда фигуры, на окончаніе которыхъ шелъ цѣлый мѣсяцъ, вдругъ являлись замазанными, стертыми; иногда въ день наработано было болѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли усиленнаго труда. Иногда я заставалъ всѣ картины въ сторонѣ и передъ художникомъ пустую доску, бумагу или полотно.

— Не стану ничего дѣлать до тѣхъ поръ, пока не выучусь писать красное дерево, такими словами встрѣчалъ меня Федотовъ.

— Вчера я не могъ справиться со стуломъ. Не отойду, пока не выучусь.

Въ другой разъ, не бывъ у Федотова съ недѣлю, захожу утромъ и вижу новую картину—„Мадонну съ младенцемъ“!!

— *Штука вотъ какого рода* *), говорилъ опять Павелъ Андреичъ, смѣясь моему изумленію.—Эта мысль не давала мнѣ покоя, и я захотѣлъ испробовать мои силы. Сверхъ того, мнѣ нужно добыть себѣ мягкости, граціи, неземной красоты въ лицахъ.

„Вдовушка“ показала, что этюдъ Федотова не могъ назваться напраснымъ.

Одинъ разъ, въ маѣ мѣсяцѣ (это случилось дней за десять до нашей разлуки), проѣзжая мимо квартиры нашего художника, я услышалъ знакомый стукъ въ окна, и какъ погода стояла теплая, то вслѣдъ затѣмъ

*) Поговорка, которую онъ въ жаркомъ разговорѣ употреблялъ безпрестанно.

выбѣжалъ ко мнѣ самъ Павелъ Андреичъ, въ легонькомъ пальто и безъ шапки. На лицѣ его была написана радость, глаза весело сверкали.

— Заходите, заходите живѣе, кричалъ онъ:—хорошо, что вы были у меня вчера... вы увидите вещь, за которую меня иной можетъ ославить лгуномъ.

Мы вошли въ описанную мною комнату, пробрались между разнымъ хламомъ къ окну, у котораго еще вчера стояла картина (то была вторая или третья копія „Вдовушки“), еще вчера не представлявшая ничего, кромѣ начерно набросанной фигуры, стертаго лица и двухъ-трехъ отдѣланныхъ аксессуровъ. На мѣсто этой вещи стояла, повидимому, другая, почти совершенно оконченная на всѣхъ трудныхъ пунктахъ, съ готовымъ лицомъ и платьемъ, со множествомъ щегольски отдѣланныхъ мелочей.

— Вы шутите надо мной, Павелъ Андреичъ, сказалъ я:—неужели это дѣло одного вечера и одного утра?

— И одной ночи, прибавилъ художникъ —Нынѣче, слава Богу, рано разсвѣтаетъ. Со мной произошла штука, феноменъ, чтобъ сказать благообразнѣе; о которомъ я до сихъ поръ понятіе имѣлъ только приблизительно. У меня будто искра зажглась въ головѣ; я не могъ спать, я чувствовалъ въ себѣ силу чрезвычайную; мнѣ было весело; я сознавалъ каждой жилкой то, что я могъ въ эти минуты сдѣлать. Никогда не доводилось мнѣ работать съ такой легкостью и такъ успѣшно каждый штрихъ ложился куда слѣдовало, каждое пятнышко краски подвигало все дѣло. Я вижу, что иду впередъ. Какъ ловко и весело трудиться такимъ образомъ! *)

Вернемся, однако, ко дню Федотова. Изъ только что разсказанныхъ подробностей читатель можетъ соста-

*) Въ тотъ же день, Федотовъ показалъ свой трудъ г. художнику Жемчужникову. Гость, любуясь отдѣлкой „Вдовушки“, сказалъ ему: „Какъ это хорошо и какъ просто!“ Павелъ Андреичъ отвѣчалъ весьма мѣтко: „да, будетъ просто, какъ поработаешь разъ *со сто!*“,

вить себѣ приблизительное понятіе о томъ, каково шли его утреннія работы. Если результатъ бывалъ неровенъ, зато самый трудъ всегда могъ назваться пламеннымъ и неотступнымъ; часовъ шесть проходили, какъ одинъ мигъ, и къ тремъ часамъ наступало время отдыха. На нѣсколько минутъ Павелъ Андреичъ развлекалъ себя чтеніемъ или сочиненіемъ стиховъ *), а потомъ начиналъ одѣваться для выхода, обыкновенно самъ не рѣшаясь, куда отправиться. Въ это время можно было его перехватить и увести съ собой обѣдать; въ отвѣтъ на приглашеніе, онъ обыкновенно отвѣчалъ утвердительно, слѣдовалъ за вами на улицу, выбиралъ дальній путь и дорогою весь отдавался бесѣдѣ.

За обѣдомъ, обыкновенно, языкамъ давалась чистая свобода; начинались анекдоты, разсказы, воспоминанія о прочитанныхъ или слышанныхъ новостяхъ, толки объ искусствѣ и новыхъ картинахъ, изложеніе сценъ, подсмотрѣнныхъ за послѣдніе дни. Если въ числѣ собесѣдниковъ находились лица незнакомыя, нашъ художникъ оживлялся только къ концу стола, а до тѣхъ поръ искусно разглядывалъ каждаго новаго человѣка, дѣлая это такъ, что его наблюденія никому не кидались въ глаза. Впослѣдствіи онъ любилъ провѣрять свои наблюденія, освѣдомлялся о занятіяхъ и характерѣ каждой особы, имъ встрѣченной, обрисовывалъ каждую двумя-тремя мастерскими замѣтками; проблески сатиры и іроніи, всегда почти примѣшивавшіеся къ этимъ отзывамъ, устремлены были на мелкія странности, которымъ онъ самъ не давалъ важнаго значенія. Людей совершенно не нравившихся Федотову я вовсе не знаю: онъ могъ назваться виртуозомъ въ обращеніи съ себѣ подобными и изъ самыхъ незначительныхъ личностей

*) О литературныхъ трудахъ Федотова я не могу говорить съ полнымъ безпристрастіемъ: по моему мнѣнію, эти труды вредили Павлу Андреичу, утомляя его безъ нужды, тогда какъ излишнее утомленіе было для него вреднымъ. Если это мнѣ удастся, какъ я того желаю, со временемъ приготовить подробную біографію нашего художника, въ ней и поговорю о стихахъ покойнаго.

извлекалъ все, что только онѣ могли ему доставить. Ѣлъ Федотовъ немного, къ хорошимъ блюдамъ оказывался до крайности равнодушенъ; изъ винъ любилъ только старый рейнвейнъ; ни разу во все наше долгое знакомство не случалось мнѣ видѣть, чтобъ онъ выпилъ за столомъ болѣе двухъ или трехъ рюмокъ. Если слишкомъ угодливый хозяинъ начиналъ его упрашивать на этотъ счетъ, онъ всегда отговаривался слабостью глазъ, ежедневно утомляемыхъ и раздражаемыхъ безжалостнѣйшимъ образомъ. По этой послѣдней причинѣ, Павелъ Андреичъ любилъ обѣдать только у самыхъ близкихъ знакомыхъ, запросто. Для него послѣобѣденный сонъ былъ лучше всѣхъ глазныхъ лекарствъ, и онъ радовался, когда въ сумерки, черезъ полчаса послѣ кофе, хозяинъ уводилъ его въ свой кабинетъ для отдыха. Когда намъ случалось обѣдать вмѣстѣ въ исходѣ пятаго часа мы удалялись съ Федотовымъ въ длинную, слабо-освѣщенную комнату, съ неизмѣримымъ диваномъ во всю стѣну, и, улегшись на противоположныхъ его концахъ, говорили другъ другу: „теперь будемъ спать, сколько сами того пожелаемъ“. Впрочемъ, при этихъ случаяхъ заснуть намъ рѣдко удавалось, а большею частью мы только болтали, лежа съ закрытыми глазами, забываясь на минуту въ промежуткахъ разговора. Павелъ Андреичъ ложился первымъ, но засыпалъ послѣднимъ изъ двухъ; если около дивана валялась какая-нибудь книга, онъ ее раскрывалъ и, посреди полумрака, утомлялъ свои глаза пуще прежняго. Потомъ начинались толки о прочитанномъ, о которыхъ я до сихъ поръ не могу вспоминать безъ грусти и стѣсненія сердца; такъ новы, самостоятельны, въ высшей степени поучительны оказывались эти замѣтки! Со страстью подмѣчая каждое новое свѣдѣніе, каждую мысль, даже каждое мѣткое выраженіе, видя во всякомъ трудѣ даже нѣчто большее, чего, можетъ быть, и не думалъ сказать писатель, нашъ художникъ ко всей своей зоркости и симпатіи присоединялъ свѣжесть взгляда, которой не добиться годами усилій. Онъ чи-

талъ немного, не имѣлъ понятія о критическихъ теоріяхъ, не слѣдилъ за политикою, журнальныя распри, русскія и иностранныя, были для него terra incognita. Въ поэзіи и литературѣ онъ желалъ видѣть пособіе своимъ трудамъ, возвышенное развлеченіе, цѣлый міръ благородныхъ и свѣтлыхъ мечтаній. Оттого съ нимъ можно было говорить о всякой точкѣ въ области старой и новой словесности, о литературныхъ дѣлахъ, давно рѣшенныхъ свѣтомъ, о новыхъ явленіяхъ, о совершенной старинѣ: на всякій вопросъ вы получали отвѣтъ человѣка, чуждаго предразсудкамъ и глядящаго на вещи съ своей собственной точки зрѣнія. Иногда Федотову попадалась въ руки книга, твореніе, давно уже признанное слабымъ твореніемъ: не зная общаго суда, не имѣя способности вѣрить цѣнителямъ на слово, онъ подступалъ къ книгѣ съ любовію, и нужно было видѣть, сколько мыслей и матеріаловъ извлекалъ его пытливый умъ изъ вещи, повидимому, вялой и заброшенной! Какъ безцвѣтный лучъ, проходя стекло призмы, дробится на яркіе радужные лучи, такъ точно вымыселъ поэта восторженнаго становился новъ и ярокъ, проходя черезъ свѣтлую голову Павла Андреича. Ему все было хорошо, все интересно; о самой бездарности могъ онъ говорить охотно и весело, сама бездарность стоила наблюденій и награждала за наблюденіе. Въ глазахъ человѣка, имѣющаго наклонность къ педантизму, къ поклоненію чужимъ мыслямъ, Федотовъ могъ вѣчно слыть за безнадежнаго оригинала; и точно его сужденія иногда могли казаться странными для людей не очень къ нему близкихъ; но если кто подъ странностью этой умѣлъ распознавать оригинальность взгляда, то для такого человѣка литературныя воззрѣнія Федотова становились дороги чрезвычайно.

Старые русскіе писатели были всѣ знакомы Павлу Андреичу; но говорить о нихъ онъ не имѣлъ обыкновенія, перечитывать же позволялъ себѣ одного фонъ-Визина. Изъ новыхъ онъ страстно любилъ Крылова, къ твореніямъ Пушкина и Гоголя былъ холоднѣе, нежели

того можно было ожидать. Я не знаю, читалъ ли онъ „Мертвыя души“ больше одного разу *). Холодность эту я не могу объяснить ничемъ другимъ, кромѣ недосуга и отсутствія системы въ чтеніи. О стихотвореніяхъ Лермонтова имѣлъ онъ довольно смутное понятіе до тѣхъ поръ, пока ихъ томикъ не попался ему какъ-то подъ руку. Во время чтенія, восторгъ его, какъ обыкновенно у воспріимчивыхъ людей, принялъ размѣры даже слишкомъ великіе; онъ говорилъ безпрестанно:

— Боже мой, неужели человѣкъ можетъ высказывать такія чудеса въ одной строкѣ!.. За два такія стихотворенія—два года жизни!.. Это галлерея изъ трудовъ великаго мастера!.. Пушкинъ ничто предъ этимъ человѣкомъ.

Никогда не забуду того чувства, съ которымъ онъ прочелъ раза три къ ряду эти два стиха,—брильянты русской поэзіи:

Нагая степь синѣетъ *и вѣнцомъ*
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ...

— Я не бывалъ на Кавказѣ, прибавилъ онъ, прочитавъ ихъ сызнова. — Послѣ этихъ двухъ стиховъ я болѣе знаю видъ края, чѣмъ иной, съѣздившій туда нѣсколько разъ. Сыщите мнѣ еще что нибудь о Кавказѣ.

Я открылъ ему сперва „Выхожу одинъ я на дорогу“, потомъ „Въ полдневный зной, въ долинѣ Дагестана“.

— Полно, полно!—сказалъ Павелъ Андреичъ, принимаясь за нихъ:—эти стихи могъ только написать *богатырь, въ минуту скорби неслыханной!*

Въ области нашей новѣйшей словесности знакомы были ему только три или четыре имени. Ему нрави-

*) Тѣмъ не менѣе онъ очень уважалъ Гоголя и на одномъ вечерѣ, послѣ долгаго разговора съ авторомъ „Бульбы“, сказалъ потихоньку одному изъ присутствующихъ: „Пріятно слушать похвалу отъ такого человѣка! Это лучше всѣхъ печатныхъ похвалъ!“

лась комедія г. Островскаго „Свои люди“; одинъ разъ, слушая чьи-то неблагосклонные отзывы о комедіи „Бѣдная невѣста“. Федотовъ выразился весьма тривіально, но крайне картиннымъ образомъ: „Чего вы досадуете на автора—сказалъ онъ—вся его вина въ томъ, что послѣ первой комедіи *онъ не далъ себѣ настояться*. Нашъ братъ наблюдатель то же, что бутыль съ наливкой: вино есть, ягоды есть—нужно умѣть только разливать во время“. — Французская и англійская словесность были знакомы Федотову въ ихъ общихъ чертахъ. Живописцы давно уже замѣчены въ нѣсколько исключительномъ взглядѣ на труды поэтовъ и беллетристовъ: для нихъ картинность описаній обыкновенно есть первое дѣло въ книгѣ; но Павелъ Андреичъ не раздѣлялъ этого весьма понятнаго и извинительнаго взгляда. Онъ былъ безъ ума отъ психологическаго анализа въ романахъ Бальзака. Изъ англичанъ, сколько могу припомнить, его любимцами были В. Ирвингъ и лордъ Байронъ. По книгамъ Байрона онъ учился языку, но вскорѣ долженъ былъ оставить уроки, не имѣя на то достаточно времени.

Грецію Павелъ Андреичъ любилъ пламенно, но изъ древнихъ читалъ только Гомера въ русскомъ и Аристофана во французскомъ переводахъ. Мнѣ кажется, будто я вижу его передъ собою сейчасъ послѣ прочтенія первыхъ книгъ „Иліады“. Запасшись двумя большими томами гнѣдичева перевода, Федотовъ куда-то исчезъ дня на три; потомъ мы встрѣтились съ нимъ на улицѣ, и такъ какъ дѣло происходило весною, то вошли въ старый садъ, принадлежавшій къ моей второй квартирѣ. Во время прогулки по темной аллеѣ нашъ художникъ сталъ передавать мнѣ все наслажденіе имъ испытанное при чтеніи Гомера. Всѣ книги, когда либо имъ читанныя, были ничто передъ „Иліадою“. Гомеръ оказывался „старичишкой, предъ которымъ нужно было упасть на колѣни и плакать“. Тутъ я подивился необыкновенной памяти и артистической зоркости Федотова: за эти нѣсколько дней онъ будто изучилъ пер-

вую часть „Иліады“ въ эстетическомъ отношеніи и, передавая красоты, особенно его поразившія, не пропустилъ мелкихъ подробностей. Онъ замѣтилъ, какъ кстати Гекторъ „раздвигаетъ ноги“, чтобъ выломить дверь ахейской стѣны, и какъ страшно загудѣлъ мѣдный щитъ Аякса, отразивъ камень, кинутый Гекторомъ. О главныхъ красотахъ говорить нечего: сцена, когда малютка Астіанаксъ

... назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,
Яркою мѣдью испуганъ, и гребень увидѣвъ косматой,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой...

привела его въ неописанное восхищеніе. „Вотъ что можетъ назваться—замѣтилъ онъ—стать однимъ прыжкомъ выше всей вселенной! Дальше этой сцены не пойдетъ ни поэзія, ни живопись. И некуда итти дальше: это совершенство“.

Продолжая говорить такимъ образомъ, Федотовъ далъ себѣ слово посвящать хотя одинъ часъ въ день на чтеніе древнихъ авторовъ, „изъ которыхъ больше выучишься, чѣмъ переглядѣвъ всѣ галлереи картинъ на свѣтѣ“. „И вообще—прибавилъ онъ—только съ нѣкоторыхъ поръ я началъ сознавать всей душой, что *всякій художникъ новаго періода не можетъ жить безъ чтенія*. Я знаю многихъ талантливыхъ людей, неимѣвшихъ случая образовать себя въ этомъ отношеніи: ихъ трудъ и слава отъ этого терпятъ много-много. Возьмите новую французскую школу: при своей поверхности, недобросовѣстности, привычкѣ писать *отъ себя*, она держится и славится черезъ начитанность ея представителей. Эти ловкіе люди мечутся во всѣ стороны, читаютъ, выдумываютъ, поднимаютъ на ноги Данта, Гете, Байрона, Бокаччіо, знаютъ, съ которой стороны зацѣпить вниманіе публики, и черезъ это пишутъ вещи, одинъ сюжетъ которыхъ есть уже половина успѣха. Придайте теперь эту ловкость нашимъ трудолюбивымъ, хорошо знающимъ анатомію молодымъ людямъ—и вы увидите, что они будутъ въ состояніи сдѣлать. Пока русское

художество находилось въ младенчествѣ, толковать обо всемъ этомъ было бы такъ же смѣшно, какъ *полировать мраморъ передъ тѣмъ, чтобъ вырубить изъ него фигуру;* но нынче другая пора и другое время. Я помню, какъ одинъ разъ мнѣ показывали картину знаменитаго француза ***: въ ней было столько ошибокъ и слабыхъ сторонъ, промаховъ чисто непростительныхъ! Вѣрьте мнѣ, тотъ изъ новыхъ художниковъ, который введетъ на практикѣ то, что мы теперь говоримъ между собою, сдѣлаетъ бездну пользы для нашего отечества!“

Необходимыя и, какъ мы надѣемся, характеристическія отступленія увлекли насъ далеко отъ главной темы, то-естъ подробнаго изображенія ежедневной жизни Федотова. Съ наступленіемъ вечера онъ или снова принимался за работу, набрасывая карандашомъ очерки будущихъ картинъ, рисуя отдѣльныя сцены, или же, вмѣсто рисовки, отправлялся куда-нибудь бесѣдовать и, бесѣдуя, наблюдать. Въ послѣдніе два года онъ любилъ, для сбереженія времени, сливать всѣ эти занятія воедино, то-есть по большей части ходилъ въ тѣ дома, гдѣ можно было безъ церемоніи усѣсться посреди гостей съ карандашомъ и бумагою, чертить и рисовать, въ то же время болтать, слушая музыку или разглядывая новыя лица. Плодомъ этихъ вечернихъ занятій осталось множество прелестнѣйшихъ рисунковъ à la Gavarni, часть которыхъ должна быть между бумагами Павла Андреича, а другая, несравненно значительнѣйшая, роздана, кому пришлось, самимъ художникомъ. Въ вечернее время женское общество было необходимо Федотову.

Таковъ былъ обыкновенный день нашего художника. Его порядокъ иногда измѣнялся какимъ-нибудь званнымъ обѣдомъ, новымъ знакомствомъ или путешествіемъ въ итальянскую оперу. Павелъ Андреичъ, какъ слѣдовало предполагать, предпочиталъ раекъ всѣмъ другимъ помѣщеніямъ Большого театра, и, конечно, былъ правъ, ибо каждый день *послѣ райка* былъ днемъ забавнѣйшихъ, обворожительныхъ разсказовъ. Одинъ разъ, между

прочимъ, не довольствуясь компаніей райка, онъ поднялся еще выше – въ какую-то тусклую пустыню: тамъ, огороженная рѣшоткой, представилась ему дыра, изъ которой спускается люстра. Пока Федотовъ наслаждался обозрѣніемъ вновь открытой имъ обители, какой-то мужикъ въ тулупѣ подбѣжалъ къ нему и сталъ укорять его за то, что онъ осмѣлился направить свои стопы туда, гдѣ не бываетъ ни одинъ смертный изъ числа театральныхъ посѣтителей. Угрюмый тонъ сторожа не смутилъ Федотова: онъ началъ предлагать ему полтинникъ, съ тѣмъ, чтобъ тотъ позволилъ ему взглянуть хоть разокъ въ пропасть, освѣщенную люстрой. „Ступай вонъ—возразилъ на это неподкупный служитель—говорятъ тебѣ, пошелъ восвояси, убирайся подобру, поздорову. Никому не позволено смотрѣть въ эту дыру, слышь ты!“ Между тѣмъ новый актъ начался, и Павелъ Андреичъ утѣшенъ былъ за свою неудачу слушаніемъ „Гугенотовъ“ и наблюденіемъ надъ своими оригинальными сосѣдями. Понятно, какимъ изобиліемъ замѣтокъ обогащался онъ послѣ всякой оперы.

Еще однимъ великимъ, хлопотливымъ, требующимъ большихъ издержекъ, но зато чрезвычайно благороднымъ занятіемъ въ жизни Павла Андреича было изученіе натуры, потребной для сочиненія той или другой картины, дѣятельно подвигаемой впередъ. Чтобъ понять, до какой степени этотъ трудъ былъ великъ, нужно вспомнить необыкновенную добросовѣстность Федотова и его глубокое отвращеніе къ рисовкѣ предметовъ *изъ головы*, то-есть безъ натуры передъ глазами. Такъ, напримѣръ, при отдѣлкѣ „Сватовства“, Федотову прежде всего понадобился образецъ комнаты, приличной сюжету картины. Подъ разными предлогами онъ входилъ во многіе купеческіе дома, придумывалъ, высматривалъ и оставался недовольнымъ. Тамъ хороши были стѣны, но аксессуары съ ними не ладили; тамъ годилась обстановка, но комната была слишкомъ свѣтла и велика. Одинъ разъ, проходя около какого-то русскаго трактира (близъ Гостинаго двора, если не ошибаюсь), худож-

никъ примѣтилъ сквозь окна главной комнаты люстру съ закопченными стеклышками, которая „такъ и лѣзла сама въ его картину“. Тотчасъ же зашелъ онъ въ таверну и съ неописаннымъ удовольствіемъ нашелъ то, чего искалъ такъ долго. Стѣны, вымазанныя желтобурою краскою, картины самой наивной отдѣлки, потолокъ, изукрашенный расписными „пукетами“, пожелтѣвшія двери,—все это совершенно согласовалось съ идеаломъ, столько дней носившимся въ воображеніи Федотова.

Едва только одолѣлъ онъ первую трудность, явилась тысяча другихъ. Нужно было сыскать оригиналъ купца, застегивающаго кафтанъ, его жены, удерживающей (на картинѣ) невѣсту за платье, невѣсту, прислугу, жениха, кисейное платье, разныя аксессуарныя вещи, необходимыя для картины. Разысканіе живыхъ типовъ по широкому Петербургу не могло быть въ тягость нашему наблюдателю, найти лица не было дѣломъ очень тяжелымъ; но гдѣ было достать денегъ на плату натурщикамъ, не входя въ долги и не лишая своихъ родныхъ получаемой ими части? Обязываться кѣмъ нибудъ Федотовъ не любилъ, долговъ же боялся какъ болѣзни, лишающей человѣка веселости и независимости. И вотъ, жертвуя своимъ скуднымъ достаткомъ тамъ, гдѣ оно оказывалось необходимымъ, Павелъ Андреичъ все-таки сумѣлъ обдѣлать наибо́льшую часть своей задачи и пріятнымъ и выгоднымъ образомъ. Какой-то добродушный купецъ (честь ему за то и слава) охотно согласился дать скопировать свою особу, одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ самъ вызвался служить натурой для жениха, безпрекословно облачаясь въ мундиръ и стоя на одномъ мѣстѣ столько времени, сколько того было угодно Федотову. На Толкучемъ и на Андреевскомъ рынкахъ нашъ живописецъ высмотрѣлъ нѣсколько старухъ и сидѣльцевъ, пригласилъ этотъ народъ къ себѣ, угостилъ чаемъ, нанялъ за сходную цѣну и во время работы побесѣдовалъ съ ними такъ, какъ только онъ умѣлъ бесѣдовать. Платья, мебель и мелкія вещи взяты были у

пріятелей, а предметы такого же рода, слишкомъ старые и загрязненные, выбирались изъ лавокъ или ресторацій.

Когда требовалось заготовлять все нужное для писанія картины и, такъ сказать, расчищать себѣ дорогу для опредѣленной цѣли, Павелъ Андреичъ оказывался неутомимѣйшимъ изъ смертныхъ. Одинъ разъ онъ съѣздилъ въ которое-то изъ женскихъ учебныхъ заведеній Петербурга для свиданія съ одною изъ родственницъ и, возвращаясь оттуда, задумалъ картину, подъ названіемъ „Пріѣздъ Государя Императора въ *** Институтъ". На этой картинѣ, которой нѣжный и трогательный сюжетъ не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ, Федотовъ имѣлъ въ виду изобразить болѣе сотни дѣтей и взрослыхъ дѣвушекъ, но изобразить такъ, чтобъ зрителю эти дѣти и дѣвушки казались какъ будто существами знакомыми и когда-то видѣнными. На приготовительныхъ трудахъ по этому случаю можно было дѣйствительно усмотрѣть изобиліе женскихъ и дѣтскихъ типовъ, начиная отъ здоровой кудрявой рѣзвушки до задумчивой дѣвочки, и отъ граціозной малютки до совершенно развитой дѣвицы, въ полномъ цвѣтѣ правильной и строгой, даже нѣсколько холодной красоты. Такъ какъ Федотовъ былъ знакомъ во многихъ семействахъ и могъ время отъ времени ѣздить въ институты, за оригиналами не могло быть остановки; но гдѣ же надлежало скопировать *мѣсто дѣйствія*, большую залу съ колоннами, постелями и освѣщеніемъ отъ безчисленныхъ оконъ? Эту обстановку и освѣщеніе потребно было имѣть передъ глазами каждую минуту, между тѣмъ какъ безпрестанныя посѣщенія Института оказались бы невозможными. Подумавъ немного, нашъ художникъ рѣшился въ своей комнатѣ устроить себѣ институтскую залу съ помощью картона, палочекъ и глазированной бумаги. Около двухъ недѣль онъ сидѣлъ, размѣривалъ по масштабу, клеилъ, раскрашивалъ и рѣзалъ, а, наконецъ плодомъ его усилій вышла большая бѣлая коробка съ прорѣзанными окнами; внутри коробки, откры-

той сбоку помѣщались бѣлыя колонны и ряды кроватей. Каждая колонна обклеивалась бумагой подъ мраморъ; каждая кроватка отдѣлывалась какъ будто для игрушки.

Мѣсяца за три, можетъ быть за четыре до послѣдней болѣзни Павла Андреича случилась съ нимъ маленькая исторія, ясно показывающая, до какой степени онъ забывалъ все на свѣтѣ, когда ему предстояло удовлетворять своей главнѣйшей страсти, именно: страсти къ наблюденію. Передъ наступленіемъ весны, въ сырое и холодное утро, нашъ художникъ почувствовалъ головную боль и, чтобъ прогнать ее, пошелъ бродить по улицамъ. Гдѣ-то около Гороховой онъ встрѣтилъ кучку людей, по всей вѣроятности, писцовъ, отправлявшихся вмѣстѣ завтракать въ ресторацію „Пекинъ“ или „Мысъ Доброй Надежды“.

Одинъ изъ этихъ господъ, маленькій, бойкій человѣчекъ, „очень похожій на чижика“, шутилъ надъ своими пріятелями и задиралъ ихъ такъ бойко, что Федотовъ засмотрѣлся, заслушался и потомъ очутился самъ въ „Пекинѣ“, гдѣ усѣлся въ уголъ около окна, на пунктѣ, самомъ удобномъ для наблюденія. Шутки и разговоръ завтракавшихъ джентльменовъ кончились ссорой, при чемъ чижикъ былъ выдранъ за волосы; но это его нимало не сконфузило; онъ только встряхнулъ головою и сказалъ, обращаясь ко всей компаніи:

— Извольте спорить съ такими задорными людьми.

Между тѣмъ съ однимъ изъ членовъ бесѣды сдѣлалось дурно, по всей вѣроятности, отъ излишней порціи водки. Онъ упалъ на полъ, а друзья, чтобъ освѣжить его, отворили форточку, ту самую, около которой сидѣлъ Павелъ Андреичъ. Не обращая вниманія на эту мелочь, Федотовъ продолжалъ глядѣть во всѣ глаза, запоминая физіономіи; а между тѣмъ холодный вѣтеръ дулъ ему прямо въ затылокъ. Въ этотъ день мы сидѣли вмѣстѣ вечеромъ, и онъ передавалъ всю сцену слушателямъ, но на утро схватилъ сильный кашель съ лихорадкой и головной болью. Цѣлую недѣлю пролежалъ

онъ въ постели, передавая всѣмъ посѣтителямъ забавную исторію бойкаго чижика и своей простуды.

Головныя боли начались у Павла Андреича задолго до приключенія съ чижикомъ. Прямая ихъ причина заключалась въ постоянномъ утомленіи зрѣнія, а можетъ быть и въ немного причудливомъ обхожденіи художника съ своими глазами. Одинъ разъ я засталъ Федотова въ странномъ и тогда смѣшномъ положеніи: онъ сидѣлъ на диванѣ, передъ нимъ лежали исписанные листы бумаги (то были стихи), а на глазахъ его красовались какіе-то компрессы не то изъ тряпочекъ, не то изъ бѣлой бумаги, смоченной холодной водою. Тутъ же стояла вода со льдомъ. Павелъ Андреичъ по-временамъ снималъ одинъ изъ компрессовъ, опускалъ его въ воду, оглядывалъ глазомъ всю комнату и снова налагалъ холодное тѣло на открытый глазъ.

— Вы простудите голову и глаза, сказалъ я ему.

— Да ужъ я это дѣлаю цѣлые годы, былъ отвѣтъ.

— Кто же вамъ это посовѣтовалъ, Павелъ Андреичъ?

— Кто? я самъ выдумалъ.

Къ головной и глазной боли часто присоединялись, съ молодыхъ лѣтъ, нѣкоторое нервное разстройство и безсонница. Какъ бо̀льшая часть людей, которыхъ голова находится въ постоянной работѣ, Федотовъ любилъ мертвую тишину ночью, и малѣйшій шумъ отгонялъ у него сонъ, часто до бѣлаго разсвѣта. Одинъ разъ его уговорилъ ночевать у себя одинъ изъ товарищей; но, когда все въ домѣ улеглось, Федотовъ замѣтилъ, что какіе-то часы щелкаютъ надъ его головою. Тщетно пытаясь заснуть, онъ наконецъ повелъ рукой по стѣнѣ и, „схвативъ часы за хвостъ“, то есть за маятникъ, остановилъ ихъ тутъ же. Казалось, оставалось только захрапѣть; но нашему художнику пришла мысль вотъ какого рода: „часы съ маятникомъ, конечно, самые вѣрные часы въ домѣ, и слуга смотритъ на нихъ утромъ, собираясь будить хозяина. Хозяинъ человѣкъ служащій,—стало быть, если его не разбудятъ во время, опоздаетъ къ своей должности, получитъ непріятность

и всѣмъ этимъ будетъ одолженъ своему гостю". Насилу-насилу служитель былъ предувѣдомленъ, и сонъ удостоилъ сойти на Федотова.

Безпрерывная, пламенная дѣятельность мысли жгла, истощала натуру Павла Андреича. На видъ онъ былъ силенъ и крѣпокъ; но люди, знавшіе его лѣтъ восемь сряду, видѣли, какъ онъ старѣлъ и блѣднѣлъ съ каждымъ годомъ. Вотъ еще анекдотъ по этому предмету, болѣе значительный, чѣмъ исторія о часахъ, пойманныхъ за хвостъ. Ужиная у котораго-то изъ своихъ друзей, на Петербургской или Выборгской сторонѣ, нашъ художникъ склонился на убѣжденія хозяина и, вмѣсто того, чтобъ отправляться на Островъ по пустымъ и темнымъ улицамъ, рѣшился переночевать въ его домѣ. На этотъ конецъ отдѣлена была комната въ сторонѣ отъ главнаго помѣщенія, окнами на дворъ; но, къ несчастію, чуть бесѣда кончилась и Федотовъ улегся, пѣтухи, въ изобиліи находившіеся при домѣ, стали пѣть разными голосами: то хриплыми, то звонкими, то яростными. Музыка эта отогнала сонъ отъ художника, а безсонница зародила множество мыслей, плановъ будущихъ сочиненій и т. д. Пока пѣтухи пѣли, въ головѣ Федотова уже составился эскизъ, очеркъ новой картины,—кажется, той, которую онъ хотѣлъ назвать „Блуднымъ Сыномъ". За большимъ планомъ послѣдовали новые, поменьше; изъ нихъ одинъ занялъ Федотова до такой степени, что онъ ждалъ утра, для того, чтобъ немедленно приняться за работу. Стало свѣтать, пѣтухи залились съ новымъ рвеніемъ, рисуночекъ обозначался все яснѣе и яснѣе; наконецъ Федотовъ увидѣлъ себя въ совершенной невозможности улежать на своемъ мѣстѣ. Вставши, онъ тихо прошелъ въ переднюю, нашелъ тамъ свое платье и чьи-то прешірокіе сапоги, надѣлъ все это, бросился на улицу, съ великими усиліями (по причинѣ широкихъ сапогъ) дошелъ до дому и тотчасъ же сѣлъ за работу. Понятно, до какой степени подобныя продѣлки должны были развивать въ немъ болѣзнь глазъ и головы, особенно опасную при его воздержной

жизни, сильномъ темпераментѣ и сидѣньи за работою. Одинъ изъ медиковъ, не шутя, совѣтовалъ ему хоть разъ въ мѣсяцъ слѣдовать примѣру артистовъ, такъ имъ осуждаемыхъ, то есть дозволять себѣ усиленныя развлеченія, даже разгулъ; но чѣмъ болѣе трудился нашъ художникъ, тѣмъ ровнѣе и усидчивѣе становился образъ его жизни.

При всякой тяжкой и необыкновенной болѣзни, постигающей лицо, извѣстное публикѣ, особы ему знакомыя и незнакомыя начинаютъ тотчасъ же строить догадки о причинахъ недуга, разсказывать, что они давно, давно уже какъ подмѣчали его начало, и, пользуясь этимъ случаемъ, придумывать заключенія, не всегда замысловатыя или романическія. Болѣзнь и смерть Павла Андреича въ этомъ отношеніи дали пищу многимъ разсказчикамъ въ ущербъ истинѣ; недаромъ сказано: „если съ извѣстнымъ человѣкомъ не было въ жизни романическихъ происшествій, публика ихъ сама придумаетъ“. Съ моей стороны, подкрѣпляя свои слова отзывами десяти или двѣнадцати искреннѣйшихъ друзей покойнаго, я могу только сказать, что причина послѣдней болѣзни Павла Андреича въ высшей степени трогательна, но проста какъ нельзя болѣе. Онъ изнурилъ себя работою, неотступнымъ, пламеннымъ умственнымъ трудомъ. За мѣсяцъ или за три недѣли до полученія мною изъ Петербурга рокового письма, мы видались и бесѣдовали ежедневно, и никогда я не помню Федотова болѣе ровнымъ по характеру, увѣреннымъ въ себѣ и спокойно неутомимымъ, какъ въ это время. Онъ оканчивалъ двѣ копіи: „Вдовушки“ и „Сватовства“, набрасывалъ очерки двухъ картинъ; оба произведенія имѣли быть оконченными къ выставкѣ, а до выставки оставалось не болѣе четырехъ мѣсяцевъ *). Конечно,

*) Изъ свѣдѣній, полученныхъ мною черезъ снисходительность г. конференцъ-секретаря Академіи, усматривается, что весною Федотовъ приготовлялся писать еще одну картину: «Возвращеніе институтки въ родительскій домъ». Сколько мнѣ извѣстно, Павелъ Андреичъ понималъ этотъ сюжетъ двояко: то ему просто хотѣлось изо-

Федотову не въ новость приходилась такая горячая работа: полагаясь на свою энергію и примѣры прошлыхъ лѣтъ, онъ позабылъ, что его здоровье уже было расшатано годами труда необыкновеннаго, и что трудъ творческій изнуряетъ художника несравненно болѣе, нежели трудъ ученическій. Ему нѣкогда было сообразить, что онъ давно уже не имѣлъ тѣхъ спасительныхъ періодовъ отдохновенія, которые передъ тѣмъ отъ времени до времени предохраняли его умъ и тѣло.

Со дня выхода своего изъ полка нашъ художникъ далъ себѣ только два раза полный отдыхъ отъ занятій, только два раза судьба посылала ему возможность развлеченій, возстановляющихъ силы, и волею-неволею заставляла Павла Андреича на довольно значительное время отрываться отъ полотна и красокъ. Въ первый разъ академическая выставка и успѣхъ картинъ Федотова, поставивъ его въ необходимость прислушиваться къ отзывамъ цѣнителей, поддерживать вновь завязавшіяся знакомства, заставили нашего художника отложить на нѣсколько недѣль всѣ свои изнуряющія силы занятія. Павелъ Андреичъ насладился этими недѣлями, какъ человѣкъ, тяжкимъ трудомъ добывшій себѣ право на отдыхъ, знающій цѣну каждому часу, каждой минутѣ спокойствія послѣ бури. „Помните—говаривалъ онъ въ это время—какъ на службѣ мы наслаждались послѣ утомительныхъ переходовъ, гдѣ нибудь на дневкѣ, лѣтомъ, посреди зелени и деревенскаго веселья? Или помните, какъ, воротясь въ городъ, по домамъ, мы радостно ложились въ сухія постели и на нѣсколько дней дѣлались объѣдалами? То же теперь со мной“. Пока

бразить день семейной радости, то онъ имѣлъ въ виду придать всей вещи характеръ печальный, представивъ изумленіе дѣвушки, отвыкшей отъ семейной жизни, при видѣ бѣдности своихъ родителей. Не знаю, на которомъ изъ двухъ плановъ остановился нашъ художникъ.

Долгомъ считаю, при этомъ случаѣ, изъявить глубокую признательность за свѣдѣнія, доставленныя мнѣ г. Григоровичемъ, однимъ изъ наиболѣе цѣнимыхъ друзей покойнаго, много разъ оказывающимъ истинно отеческія услуги нашему художнику.

длилась выставка, онъ рисовалъ только маленькіе вещицы карандашомъ и сухими красками, скопировалъ съ гравюръ двѣ прелестныя головки Лауренса *) и окончилъ два женскіе портрета; все это для Федотова было не болѣе, какъ легкой забавой. Послѣ трехгодичной выставки 1848 года онъ опять было пустился работать по прежнему, не взирая на короткіе зимніе дни; но вскорѣ семейныя обстоятельства, и обстоятельства, довольно печальныя, побудили его отправиться въ Москву, на самое, какъ говорилъ онъ, короткое время. По прошествіи двухъ недѣль, друзья Павла Андреича получили извѣстіе, всѣхъ чрезвычайно обрадовавшее: „Мои картинки производятъ фуроръ—писалъ Федотовъ—и мы здѣсь помышляемъ устроить маленькую выставку изъ моихъ эскизовъ и конченыхъ работъ. Новымъ знакомствамъ и самымъ радостнымъ, теплымъ бесѣдамъ нѣтъ конца. Въ участи моего отца и сестры-вдовушки первыя лица города приняли участіе; съ Божіей помощью, я надѣюсь, что ихъ обезпечатъ навсегда. Я рѣшаюсь полѣниться еще немножко, потому что въ этой суматохѣ нельзя работать. Каюсь здѣсь кстати въ одномъ прегрѣшеніи: моя стихотворная бездѣлушка **) ходитъ по рукамъ, и меня часто заставляютъ ее читать. Знаю, что вы меня выбраните по пріѣздѣ; ну да ужъ дѣлать нечего!“ Сколько могу припомнить, Федотовъ оставался въ Москвѣ около четырехъ мѣсяцевъ и воротился оттуда весною, веселымъ, довольнымъ и помолодѣвшимъ. О радушіи московскихъ жителей онъ не могъ наговориться достаточно и даже началъ было поговаривать о хорошенькой невѣстѣ, которую ему тамъ сватали.

При всемъ томъ, лицамъ, уже изучившимъ натуру нашего художника, вскорѣ сдѣлалось яснымъ, что Павелъ Андреичъ, вмѣстѣ съ тысячью самыхъ отрад-

*) Обѣ вещи находятся у меня въ обдѣлкѣ, устроенной самимъ Павломъ Андреичемъ.

**) Объясненіе картины «Сватовство». Это стихотвореніе дѣйствительно принадлежитъ къ лучшимъ вещамъ, когда-либо написаннымъ въ стихахъ Павломъ Андреичемъ.

ныхъ воспоминаній, вывезъ изъ старой столицы одну мысль,— мысль скорбную и томительную. Семейство свое онъ оставилъ въ положеніи болѣе чѣмъ стѣсненномъ: послѣ долгой разлуки, онъ увидѣлъ особъ, дорогихъ его сердцу, посреди нищеты совершенной и оставилъ ихъ, убѣдясь въ томъ, что всѣ жертвы, имъ приносимыя въ теченіе столькихъ лѣтъ, оказывались недостаточными. Каждый день, возвращаясь съ дружескихъ бесѣдъ, изъ собраній, гдѣ его привѣтствовала и ласкала лучшая часть московскихъ жителей, Павелъ Андреичъ былъ свидѣтелемъ страданій своего отца, почтеннаго и престарѣлаго воина, заставалъ своихъ нѣжно любимыхъ сестеръ за грубой работою для насущнаго хлѣба, утѣшалъ ихъ, дѣлилъ съ ними свой малый достатокъ и успокоивалъ ихъ надеждами на блестящую будущность. Къ несчастію, дѣла семейства именно находились въ положеніи, недопускавшемъ надеждъ, неизмѣнявшемся вслѣдствіе временныхъ облегченій: домикъ, гдѣ родился Павелъ Андреичъ, проданъ былъ за долги; съ его продажею все многочисленное семейство художника лишилось крова и половины средствъ къ существованію. Федотовъ увидѣлъ, что ему хотя нѣкоторое время придется работать не то, что́ ему хотѣлось,—работать не для извѣстности, а *для денегъ*. День, въ который онъ рѣшился *самъ копировать* свое „Сватовство“ и запродать свою копію, былъ однимъ изъ немногихъ печальнѣйшихъ дней его жизни*). И вотъ почему, къ маю мѣсяцу 1852 года, мастерская Павла Андреича была наполнена начатыми вещами, а самъ онъ видѣлъ впереди себя цѣлые мѣсяцы труда самаго тяжкаго.

*) Можетъ быть, читателямъ покажется странною эта рѣшимость. Федотовъ уже былъ такъ извѣстенъ, что всякая *новая* его картина не могла остаться некупленною. Но, съ сокрушеннымъ сердцемъ рѣшаясь копировать свои вещи въ то время, когда сотни плановъ ждали своего исполненія, Павелъ Андреичъ имѣлъ въ виду разсчетъ денегъ и времени. Натуры не требовалось, а работа шла несравненно скорѣе. Само собой разумѣется, что и тутъ онъ былъ добросовѣстенъ до мелочности.

При упоминаніи объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, сердце мое сжимается и на глаза выступаютъ слезы. За два дня до моего отъѣзда изъ Петербурга, я заходилъ къ Федотову и звалъ его вмѣстѣ съ собою въ деревню на полный отдыхъ, прерываемый поѣздками по живописнымъ сельскимъ окрестностямъ нашего края. Я вызвался устроить ему особую мастерскую, въ саду, посреди цѣлой рощи изъ бѣлыхъ розъ, перетащить изъ столицы, вещи имъ начатыя, заманивалъ его обѣщаніями свиданій съ нѣсколькими изъ близкихъ къ намъ лицъ. Нѣсколько минутъ Павелъ Андреичъ колебался; но мысль о выставкахъ взяла свое: „Я и такъ уже—сказалъ онъ—упустилъ одинъ годъ, не напоминая о себѣ публикѣ. Наша извѣстность требуетъ, чтобъ о ней чаще толковали: знаете сравненіе *„слава—дымъ“*. Надо чаще подпускать этого дыма; не то онъ разойдется по воздуху“. Спорить съ Федотовымъ было безполезно. Еслибъ судьба, хотя въ эти рѣшительныя минуты жизни человѣческой, посылала намъ даръ смутнаго предвидѣнія! Я бы не отошелъ, не побѣдивши, не покинулъ на минуту одного изъ лучшихъ друзей моей молодости, не далъ бы ему подойти къ проклятымъ копіямъ (на нихъ онъ не могъ глядѣть безъ терзаній), увелъ бы его съ собой, какъ уводилъ его столько разъ изъ квартиры его, послѣ цѣлаго дня работы, насильно держа за рукавъ шинели,—сдѣлалъ бы все возможное для его успокоенія и развлеченія. Черезъ день мы сошлись съ Павломъ Андреичемъ въ послѣдній разъ, вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда. Мы бесѣдовали до полночи. Въ это время я долженъ былъ оставить собесѣдниковъ часа на два. Воротясь домой, я узналъ, что Федотовъ говорилъ очень много и мило, ушелъ послѣднимъ и, уходя, объявилъ, что еще зайдетъ по утру проститься. Рано утромъ я выѣхалъ изъ Петербурга и черезъ мѣсяцъ получилъ горестную вѣсть о послѣдней болѣзни нашего художника.

Исторія этихъ несчастныхъ событій, пяти мѣсяцевъ злого недуга и послѣднихъ дней Павла Андреича,

слишкомъ тягостна и слишкомъ свѣжа для того, чтобъ о ней много распространяться. Довольно будетъ сказать, что Федотовъ, уже пораженный болѣзнью, помрачившею его свѣтлый разсудокъ, нѣсколько дней ходилъ по Петербургу и окрестностямъ и успѣлъ разбросать всѣ деньги, только что полученныя имъ за одну изъ своихъ копій, и другую сумму, взятую изъ числа слѣдующаго ему Высочайшаго пособія, для пересылки къ роднымъ. Только по прошествіи нѣкотораго времени результатъ болѣзни былъ узнанъ друзьями покойнаго; леченіе началось, сперва въ столицѣ, потомъ за городомъ, въ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, что̀ по Петергофской дорогѣ. Выше всякаго описанія были страданія Федотова. Его могучій организмъ и пламенная фантазія оказывались въ этомъ случаѣ гибелью: онъ не имѣлъ минуты успокоенія, часу сна, тихихъ или отрадныхъ иллюзій: онъ не поддавался недугу, не разставался съ частью своей необыкновенной памяти, узнавалъ посѣтителей, освѣдомлялся объ отсутствующихъ друзьяхъ, чертилъ рисунки на стѣнахъ своей комнаты, видѣлъ передъ собой чудовищные сцены и образы. Изрѣдка въ его грезахъ выказывалась прежняя, прекрасная душа; иногда Федотовъ воображалъ себя богачемъ, скликалъ вокругъ себя любимыхъ особъ, говорилъ о томъ, что нужно превратить Васильевскій Островъ въ древніе Аѳины, столицу художествъ и веселія, наполненную мраморными дворцами, садами, статуями, храмами и пантеонами. Вѣрный Коршуновъ, добрый слуга, своей преданностью напоминавшій вальтеръ-скоттова Калеба, не покидалъ своего барина ни на одинъ день, былъ его постояннымъ собесѣдникомъ, посвящая свободныя свои минуты на то, чтобы или извѣщать друзей художника о его положеніи, или добывать какую нибудь вещицу, лакомство для развлеченія больного. Въ началѣ прошлаго ноября мѣсяца, Федотовъ вдругъ пересталъ страдать и пришелъ въ себя: то былъ признакъ близкой кончины. Водяная болѣзнь развилась въ немъ; медики потеряли всю надежду. Больной пріі-

общился Святыхъ Тайнъ, прочиталъ письмо, полученное за эти дни отъ старика отца, обнялъ Коршунова, находившагося при немъ, и плакалъ долго долго. „Видно придется умереть – сказалъ онъ вѣрному служителю, обнявъ его еще разъ – скажи, что я хочу проститься съ Р.... Б.... и Д.... (тутъ онъ назвалъ нѣсколькихъ друзей своихъ) пусть пошлютъ за ними, пока еще время". Не произвольная медленность въ исполненіи послѣдней просьбы лишила нашего художника послѣдней радости: ни одинъ изъ друзей не засталъ его въ живыхъ. Все было кончено. Павелъ Андреичъ умеръ, ноября 14.

Ноября 18 дня, во второмъ часу утра, погребальная процессія двинулась, по дорогѣ къ Петербургу, съ тѣломъ Павла Андреича; на разныхъ трактахъ, за заставою и до заставы, присоединились къ ней многочисленные друзья покойнаго, старые полковые товарищи, профессора, академики и художники, мужчины и дамы, съ которыми былъ друженъ Федотовъ. Изъ числа лицъ, подвигавшихся за гробомъ, конечно, не отыскивалось ни одного человѣка, явившагося на погребеніе съ холоднымъ сердцемъ: то были похороны безъ слезъ и отчаянныхъ рыданій, но со всѣми проявленіями скорби долгой, разумной и мужественной. Смѣло можно сказать, что ни одинъ изъ присутствовавшихъ не думалъ о постороннихъ предметахъ, не скорбѣлъ для вида, не торопился отойти отъ могилы, только что засыпанной. Остатки Павла Андреича положены невдалекѣ отъ большой церкви Смоленской Божіей Матери, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ памятника знаменитой артистки русскаго театра В. Н. Асенковой. Наружность Федотова, въ послѣдніе годы жизни, была привлекательна особеннымъ выраженіемъ энергіи, постоянства и смѣлости, написанныхъ на его лицѣ. Сложенъ онъ былъ крѣпко и, какъ самъ выражался *суховато*. Силою физическою онъ никогда не хвастался, но во время послѣдней болѣзни могъ выдергивать изъ стѣнъ гвозди своими руками. Голова у него была меленькая

и превосходно сформированная въ своей верхней части; обиліемъ волосъ Павелъ Андреевичъ не могъ похвастаться. Во взглядѣ его и усмѣшкѣ проявлялось много свѣтлаго, спокойнаго но, довольно размашистаго юмора. Одѣвался онъ бѣдно и небрежно, но не неряшливо. Онъ нравился многимъ, и долженъ былъ нравиться, ибо нельзя было видѣть Федотова и не подумать о нравственной силѣ, рѣзко отражавшейся во всѣхъ его чертахъ и движеніяхъ.

По послѣдне-полученнымъ свѣдѣніямъ, все семейство покойнаго Федотова (*) проживаетъ въ городѣ Ростовѣ, гдѣ младшая сестра Павла Андреича имѣетъ должность по женскому заведенію. Рѣдко-рѣдко говорилъ нашъ художникъ о стѣсненныхъ дѣлахъ своихъ родственниковъ и, даже говоря о нихъ, всякій разъ избѣгалъ входить въ подробности. Выражая свое безпокойство на счетъ сестры-вдовушки съ двумя сиротами, вскользь упоминая о деньгахъ, высылаемыхъ въ Москву, съ восхищеніемъ отзываясь о томъ, какъ безропотно всѣ члены его семьи встрѣчаютъ невзгоду, помогая другъ другу, утѣшая одинъ другого, онъ всегда избѣгалъ точныхъ указаній, способныхъ бросить свѣтъ на все дѣло. Мнѣ кажется, что Федотовъ скорѣе бы умеръ, нежели сталъ просить помощи у лучшаго своего друга. На его похоронахъ я удостовѣрился въ томъ, что нѣкоторые изъ самыхъ дорогихъ пріятелей покойнаго не знали, ни о положеніи его семейства, ни о постоянныхъ, неисто-

---

(*) Послѣ покойнаго Павла Андреича Федотова остались:

1. *Отецъ*, Андрей Иларіоновичъ Федотовъ, титулярный совѣтникъ, 83 лѣтъ.

Получаетъ за службу небольшую пенсію.

Живетъ въ г. Ростовѣ, Ярославской губерніи.

2. *Сестра*, Любовь Андреевна Вишневская, губернская секретарша, вдова.

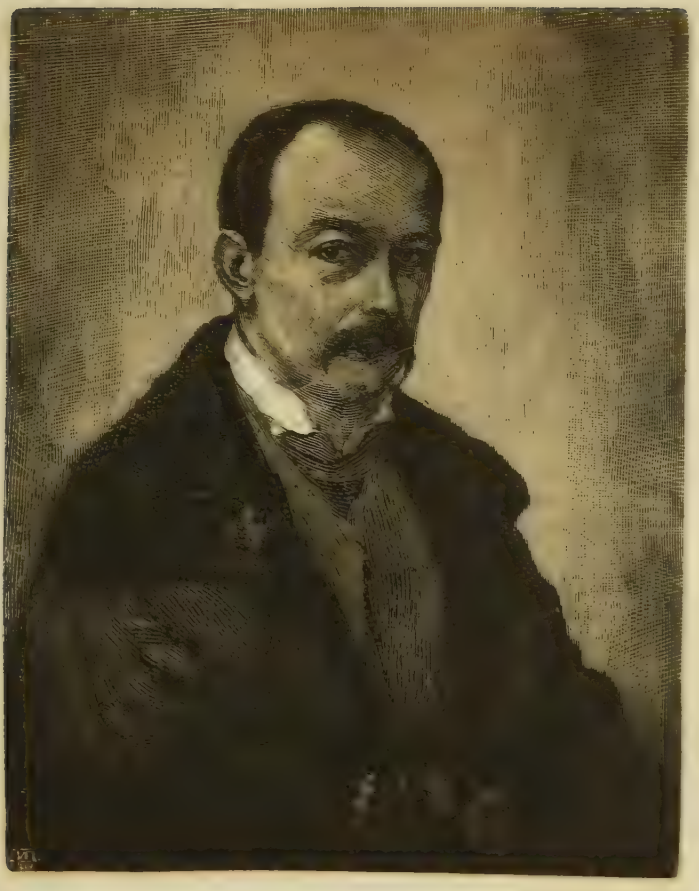
Находится въ г. Ростовѣ, Ярославской губерніи, надзирательницею женскаго заведенія.

При ней дѣти: сынъ 6 и дочь 3 лѣтъ.

3) Старшая сестра покойнаго художника проживаетъ тоже съ отцомъ.

щимыхъ усиліяхъ Павла Андреича для облегченія участи престарѣлаго отца и другихъ своихъ родственниковъ. Федотовъ жилъ также, какъ и трудился: никакая тяжесть ноши не заставляла его помышлять о чужихъ плечахъ.

Этою характеристическою чертою мы оканчиваемъ нашъ трудъ. Принимаясь за него въ самый день похоронъ Павла Андреича, подъ вліяніемъ глубокаго чувства, мы не имѣли въ виду ни оцѣнки художественной дѣятельности покойника, ни указанія русской публикѣ на положеніе семейства, лишившагося своей единственной подпоры въ лицѣ нашего талантливаго и благороднаго труженика. Пусть судьи болѣе опытные произнесутъ свой приговоръ надъ Федотовымъ, какъ живописцемъ, между тѣмъ какъ другія лица, можетъ быть, изыщутъ средства почтить память художника, оказавъ услуги людямъ, такъ дорогимъ ему при жизни. Здѣсь нѣтъ мѣста ни критикѣ художественной, ни обращенію къ чтителямъ русскаго искусства. Мы имѣли въ виду одно только – по возможности яснѣйшее изображеніе личности поэтической, воспоминаніе о человѣкѣ, проведшемъ свою жизнь такимъ образомъ, что каждый изъ дней этой жизни былъ олицетвореніемъ труда, успѣха и поученія. Мы хотѣли сказать нѣсколько правдивыхъ словъ надъ могилой Федотова, свершившаго доблестно свое короткое поприще, надъ гробомъ существа, котораго жизнь была не пустой грезой, а жизнью наяву, исполненною борьбы, труда, дружбы, твердости, безстрашія, славы и, слѣдовательно, счастія.



П. А. ФЕДОТОВЪ.

Автопортретъ.

Gaylord
PAMPHLET BINDER
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Vospominanie o russkom' khudozhnikie Pav
759.7 F294ZD
D80035673W